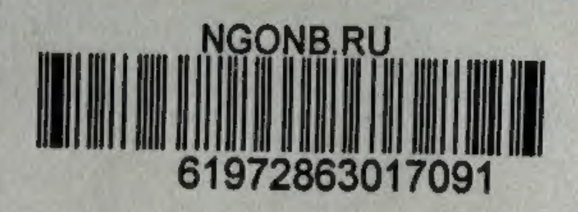
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ТРУДА

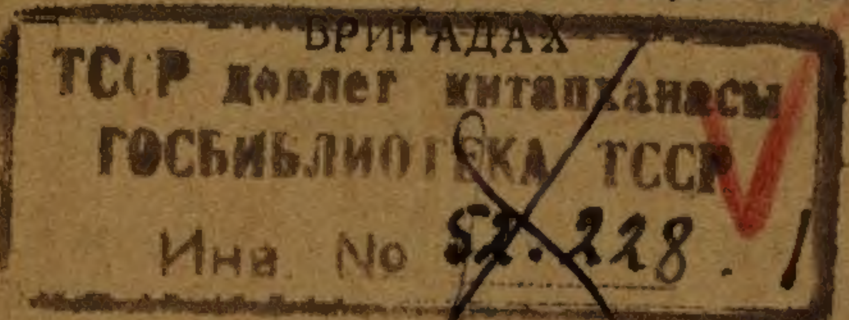
НОВОСИБГИЗ
1945

NGONB.RU
61972863017091

НОВОСИБИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ТРУДА

ОЧЕРКИ
О КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫХ
БРИГАДАХ

ОГИЗ
Новосибирское Областное
Государственное Издательство
1945

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ответственный редактор **Гольдберг И. А.**

Подписано к печ. 10/XI-45 г. МН 18617. Объем: 3 печ. л., 2,9 уч.-изд. лист. Тираж 10000 экз.
Новосибирск. Типография № 1 Облисполкома.

Зак. 1162

ПРЕДИСЛОВИЕ

В славную летопись Великой Отечественной войны яркими незабываемыми страницами войдет мужественная борьба советской молодежи за честь, свободу и независимость нашей Родины. На фронте и в тылу молодые патриоты доказали свою преданность отчизне, партии большевиков, великому товарищу СТАЛИНУ.

Тот, кому Родина вручила боевое оружие, показал образцы невиданной воинской доблести на всем необъятном фронте и в тылу врага. Тот, кому страна сказала: «Трудись в забое, в цехах заводов и фабрик, на колхозных и совхозных полях» — ответил Родине героической работой, помогал снабжать Красную Армию всем необходимым для завоевания победы.

Каждый юноша и девушка стремились внести свою долю участия в общее дело борьбы с врагом. Верные боевым традициям, комсомольцы и молодежь с первых дней войны на фронте и в тылу явились инициаторами важных начинаний и нужных дел, направленных на быстрейший разгром врага.

В разных концах нашей необъятной страны, в городах и селах, на заводах и фабриках молодежь проявляла свой почин, инициативу, яр-

че и шире раздувала огонь социалистического соревнования.

Движение двухсотников-стахановцев военного времени, организация фронтовых комсомольско-молодежных бригад, тысячники и многосотники — вот новое, рожденное комсомолом, подхваченное широкими слоями молодежи.

На втором месяце Отечественной войны в июле 1941 года возникло движение двухсотников промышленности, в октябре того же года на заводе имени Молотова были созданы первые в стране 29 молодежных фронтовых бригад.

Эти начинания молодых тружеников нашли горячий отклик и поддержку во всех уголках Советского Союза. Молодежные фронтовые бригады появились в Москве и Свердловске, Ленинграде и Челябинске, Горьком и Новосибирске.

У членов бригад было одно нерушимое правило: работать, не считаясь со временем, не уходить от станка до тех пор, пока не будет выполнено фронтовое задание.

Фронт требовал в те дни все больше и больше боевой продукции. Постоянно помня об этом, молодежь искала новые пути повышения производительности труда, ломала устаревшие технические нормы.

В ноябре 1943 года бригадир фронтовой мо-

лодежной бригады Московского шарико-подшипникового завода Катя Барышникова, совершенствуя свою работу, решила уменьшить состав бригады до четырех. С меньшим количеством рабочих бригада обязалась не снижать выполнение установленного задания, работать без брака, экономить электроэнергию и режущий инструмент.

Почин Московской комсомолки поддержали молодежные бригады страны. С тех пор их лозунг: «Работать не числом, а уменьем». Более 19 тысяч молодежных фронтовых бригад страны высвободили 67 тысяч рабочих. У нас в области высвобождено свыше 1000 человек.

Чутко прислушиваясь к ритму жизни нашей страны, каждый молодой патриот задавал себе вопрос — все ли он сделал для фронта?

На призыв товарища Сталина в день 27-й годовщины великого Октября, молодой уральский танкостроитель Егор Агарков ответил новым методом работы молодежных бригад. Он объединил родственные по технологическому процессу участки и мастерские, укрупнил свою бригаду. Это позволило высвободить высококвалифицированных рабочих.

Метод Агаркова внедрен теперь на многих промышленных предприятиях страны. Его широкое распространение дает Родине громадную экономию в сырье, электроэнергии, рабочем времени, помогает лучше использовать

оборудование, поднять производительность труда на новую ступень и, самое главное, дало возможность высвободить десятки тысяч инженеров, техников, мастеров, бригадиров и передать их на более нужные участки производства.

Комсомольско-молодежные бригады предприятий Новосибирска, работая по методу Агаркова, высвободили из состава бригад более полуторых тысяч квалифицированных специалистов.

Мы можем с гордостью сказать,что молодые рабочие нашей области были активными борцами за великое дело победы, достойными преемниками славных традиций русского рабочего класса.

Об их героическом труде в дни войны и делается первая попытка рассказать в данном сборнике.

Лаврентий Виноградов, Оксана Власюк, Феликс Немировский, Петр Свириденко, Анатолий Жудин, Николай Невротов, Коля Губайдулин — вот представители молодого сталинского племени, одними из первых в области они стали гвардейцами тыла.

Их работе, их жизни в дни Отечественной войны и посвящены очерки настоящего сборника.

Секретарь Новосибирского
обкома ВЛКСМ **Г. Морщаков.**

Н. Воскресенский

ТВОРЧЕСТВО

Требуется пройти длительный путь по залитым бетоном необозримым пространствам заводских корпусов. Требуется миновать не один цех. И только тогда вы сможете проследить весь многокилометровый маршрут, совершаемый изделием в процессе его изготовления. Сколько участков и узлов, сколько конвейеров и агрегатов, какое множество операций на бесчисленных станках! Но вот почти все они остались позади. Позади усилия многотысячного коллектива, десятков и сотен бригад — рабочих и мастеров, инженеров и

техников. Вот, наконец, участок, завершающий весь сложнейший технологический цикл.

Здесь составные части изделия впервые сходятся вместе и навсегда сливаются в единый организм, целесообразно строгий в своем сложении, предельно стройный в соотношении своих частей.

Здесь, на этом участке, как бы совершается таинство рождения изделия. Здесь как бы вкладывают душу в его доселе безжизненное тело. Отсюда выходит в свет готовая продукция.

На этом именно участке, где подводится итоговая черта под работой всего оборонного предприятия, находится со своей бригадой Феликс Немировский.

Молодежная бригада слесарей-сборщиков занята на двух заключительных операциях. Она собирает из отдельных элементов изделие, она отыскивает и устраняет дефекты.

То, что позади себя бригада как бы слышит тяжелое трудовое дыхание всего производственного коллектива, необычайно обостряет чувство ответственности. Впереди уже никого нет. На этой черте завод встречается с заказчиком. На этой черте продукция сдается армии. И если армию и фронт олицетворяет фигура военпреда, то бригада Немировского выступает полномочным представите-

лем заводской марки, ее безупречной чистоты и чести. Сознание этого еще более подымает в глазах бригады значение ее труда.

Здесь, на сборке решается судьба заводской программы. Здесь промедление поистине «смерти подобно». Судите сами. Какие бы высокие темпы ни взял весь завод в целом, с каким бы титаническим упорством он ни трудился — сборщик может все смазать. Да, да, ты, сборщик, можешь сорвать выпуск почти готовой продукции! Но не спеши с выводом, товарищ. Убыстрить сборку — это значит сделать всего лишь полдела. Едва ли в мире найдется более требовательный заказчик, чем тот, кто принимает описанную продукцию. Тончайшая выверенность всех деталей, самый высокий класс точности — и никаких изъянов, хотя бы самых микроскопических! Потому что здесь дело идет о требованиях фронта, о высшем законе для наших людей. Здесь дело идет об успехе боя, о победе.

Их было восемь человек, когда в феврале 1944 года в цехе организовалась фронтовая бригада имени старшего лейтенанта Василия Киселева.

Североморец Василий Киселев был несравненным мастером торпедного удара. Он слыл грозой фашистских судов. Он настигал их в извилинах фиордов, задернутых занавесом

из синевато-молочного тумана. «Черной молнии подобна», обрушивалась его торпеда на вражеские корабли и пускала их ко дну. Но однажды бесстрашный альбатрос Советского Заполярья не вернулся больше в тесный круг боевых товарищей.

Восемь заводских ребят избрали себе отличного шефа, они стали под испытанное знамя... Как они дрались под этим стягом воинского мужества — пусть расскажут сперва сухие цифры.

В мае бригада выполнила программу на 109 процентов.

В июне они дали 131 процент плана.

Они тогда написали свой первый рапорт начальнику потока.

«Вскрыв дополнительные резервы квалифицированной рабочей силы, имеем полную возможность уменьшить состав бригады на одного человека...»

В июле бригада выполнила задание на 133 процента. (Был высвобожден еще один человек).

В августе они дали 133,5 процента. (Их осталось уже пятеро).

В сентябре программа была закончена на 154 процента. (Их стало четверо).

В октябре, как и в ноябре, было подсчита

но: есть 157 с десятыми процентов. Более полуторых месячных программ!

Но на чем зиждется успех Немировского и его товарищей?

Недавно генерал-майор, директор завода, дал на это ответ. Он дал самую лестную аттестацию молодым сборщикам. Он сказал о них следующее:

— Почему бригада Немировского ежедневно вдвое, втрое перевыполняет задание при отличном качестве? Да потому, что она работает не механически, а творчески.

В этих словах — ключ к пониманию всей сути дела. Творчество, творческий акт...

Да, это было актом технологического творчества, когда Немировский по-новому организовал труд на своем участке!

Раньше здесь существовала такая последовательность операций. Сперва монтажники заканчивали оборудование изделия, и лишь только после этого приступали к своей работе слесаря-сборщики. Такой распорядок заключал в себе крупные неудобства. Он сплошь и рядом задерживал процесс сборки, порождал простои, отрицательно влиял на выполнение заводской программы. В самом деле, изволь дожидаться, пока монтажники перестанут копошиться у изделия! Разве нельзя соединить во времени обе операции —

и монтаж и сборку? Мысль была продумана до конца, обоснована, практически проверена.

Совмещение двух операций дало блестящий эффект.

Если раньше на это дело затрачивалось 26—30 часов, то сейчас требуется 10—12, а иногда даже 8 часов.

Все остальные бригады сборщиков вскоре стали работать по методу, предложенному Немировским.

Новшество полностью себя оправдало.

Вскоре молодой бригадир снова упрощает и улучшает производственный процесс.

Произносит еще новое слово в области организации труда.

Сущность второго нововведения, осуществленного Феликсом, сводилась к следующему.

После ознакомления с технической ведомостью каждый член бригады принимался устранять тот или иной дефект в изделии. Именно тот или иной. Приходилось по нескольку раз просматривать ведомость, по нескольку раз проверять, не упущено ли что-нибудь. Иногда оказывалось, что, действительно, упущено. Немировский внес специализацию в работу своих товарищей. Отныне каждому поручен надзор за определенной

частью изделия. — Ты, Елагин, отвечаешь за то-то, ты, Плескач, занимаешься тем-то, ты, Смольников, делаешь то-то, а над более сложными дефектами работаю я, бригадир.

Это также позволило сэкономить время на сборку и высвободить излишних людей.

На участке, во время сборки, порою раздается:

— Эй, Сверчок! Где ты?

Это товарищи окликают Феликса. Рослый бригадир, здоровый парень — и вдруг «сверчок». Откуда взялось такое, нежно-добродушное, но совершенно казалось бы неподходящее прозвище?

Но Феликс, действительно, как сверчок. Никогда не знаешь, откуда может раздаться его голос. Он вездесущ. Он неутомим.

Еще и еще раз облазить все изделие. Еще и еще раз осмотреть, простукать, ощупать его. С пристрастием. С величайшей производственной щепетильностью. Не пропустить нигде и ничего. Пропустить, значит подвести завод, подвести армию. Может быть, в каком-нибудь укромном местечке на туловище изделия притаился неисправный полуторамиллиметровый шплинтик. Обнаружить, поймать его! Может быть, где-нибудь коварной змейкой залегла трещинка толщиной в волосок. Увидеть ее сквозь покров краски.

Сквозь лак. Все проверить, в том числе качество работы монтажников. Указать им ннедочеты, коли они обнаружатся. Посоветовать, как избежать их в дальнейшем. За вседоглядеть. Заприметить дефект, ускользнувший от контролера. Наметать глаз. Обострить чувства. Чтобы никогда-никогда не услышать претензии фронта!

В духе большевистской требовательноствоспитывает бригадир себя, своих товарищей. Они уже пожинают плоды, взращенные ими. Они смогли завоевать доверие со сторонконтролера. Он знает, что Феликс и егбригада — недреманное око. Он знает, чтздесь подвоха не жди. Он, контролер, можене задерживаться, может ускорить проверку.

Но надо итти дальше. Наступление продолжается. На фронте — на врага. На производстве—за дальнейшее повышение выработки с меньшим количеством людей. Надо шагнуть на новую, высшую ступень.

Феликс Немировский задумывается.

Сейчас, когда пишутся эти строки, он мысленно прикидывает, как последовать примерЕгора Агаркова. На потоке работает бригадТархова. Она тоже устраняет дефекты. Нельзя ли ее слить с бригадой Немировского. Укрупнение сулит солидный эффект: можн

удет высвободить квалифицированную ра-
очую силу одного бригадира и в придачу к
ему двух слесарей 6—7 разряда.

После двадцатичетырехчасового дежурства
заводе он отдыхает дома. На полке лежат
ниги, прочитанные за последнее время.

Феликс вспоминает прочитанное. Каждая
книг будит рой дум.

«Бессмертие» — повесть о молодежи Во-
эколамска, о мужестве, о больших сердцах.
лава твоим сынам, комсомол! Но не тускне-
т ли рядом с их подвигами будничные дела
ригады, кропотливая борьба за проценты?
ет, каждый из них воин. Каждый на том
осту, куда его поставил боевой приказ. Он
ражается там, куда его послал комсомол.
ражается, говорят, не плохо. Но память о
учениках Волоколамска зовет к чему-то
ольшему.

На дворе стоят мглистые дни декабря.
пали почти все листки стенного календаря.
ак с вышки виден прожитый год. Он оста-
ил глубокие зарубки в сознании. Не раз и
два фронтовая бригада становилась на
ахту в честь побед Красной Армии. Ленин-
рад, Севастополь, Минск... Великие вехи ве-
икого пути на запад. Вместе с дивизиями и
рмиями неслась вперед и его маленькая
ригада. Она тоже по-своему салютовала

фронтовикам. В день выхода Красной Арми на государственную границу бригада дал 495 процентов. Вот это салют, так салют!

Радость этих воспоминаний перемежаетс со скорбью.. Точно траурный креп на ми окутал солнечные даты, точно коснулась и своим крылом глубокая печаль...

Встает образ брата-танкиста Моисея Не мировского, павшего под Таганрогом.

Вспоминается и второй брат Михаил, бое железной морской пехоты, потерявший ног под Сталинградом.

Он, Феликс, бригадир сборщиков, буде продолжать их дело, дело мужества и слав народной.

Ар. Гур

СТАНКИ ИДУТ В НАСТУПЛЕНИЕ

I

Это было осенью 1944 года в один из погожих сентябрьских дней.

После похорон 43 сибиряков наша артиллерия произвела огневой налет на расположение противника. Вся яростная мощь техники и великий гнев человеческих сердец, казалось, слились в этот траурный салют. Все чувства, бушевавшие в груди бойцов, казалось, искали себе выхода в этих потрясающих залпах.

Похороны происходили в маленьком город-

ке, недавно отвоеванном нами. На централь-ной площади, подле обгоревшего остова ста-ринной ратуши, сибиряки погребали своих то-варищей. Была какая-то особо значительная строгость в молчаливых рядах бойцов.

Немцы подло убили 43 красноармейцев в числе их нескольких ясноглазых девчат-са-нитарок. Они убили их не в бою, не в разгар схватки. Немцы замучили беспомощных ра-неных, попавших в их лапы, обезьяньи лапы фашистских негодяев, соединивших «клас-сическую» жестокость древних тевтонов «сверхсовременной» техникой душегубок.

Под траурный плач оркестра, под сдержан-ный бой барабанов, под горестные напе-вы флейт вырос на площади высокий курган. Прощайте, родные! Могуч и прекрасен был ваш неудержимый полет на запад. Спит спокойно. Пусть оборвался ваш ратный марш-рут, — мы, живые, продолжим великий по-ход. Мы дошагаем до цели!

Вот отчего так неистово загрохотала вско-ре наша артиллерия. И вот отчего паренек «штатском» пиджаке почувствовал несказан-ную благодарность к пожилому командир артполка, когда тот предложил ему — гость из далекого тыла — самолично произвест выстрел по немцам. Ничем наружно не выда-вая своего волнения, юноша резко дернул з

шнур. В этом движении было нечто большее, чем обычный, хорошо отработанный прием орудийного расчета.

— Ну вот и вы открыли свой личный счет убитым фрицам. Своею собственной рукой, — поощрительно улыбаясь обратился к юноше командир.

Молодой гость сибиряков-воинов ничего на это не ответил. Но мы возьмем на себя смелость и возразим за него командиру.

— Вы ошиблись, дорогой товарищ полковник. Этот паренек давно уже ведет свой личный, грозный счет. Счет этот растет с каждым днем, он наносит невосполнимые бреши в численном составе и кадровой, и тотальной, и сверхтотальной армии германского империализма, — этот счет Лаврентия Виноградова.

II

Все шло как полагалось.

Пять тяжелых станков, очень сложных при всей своей видимой простоте, работали безукоризненно. Лотки доверху наполнялись так называемой чечевицей — зримое свидетельство того, что выпуск продукции идет на уровне плана. Меж станков прохаживался невысокого роста восемнадцатилетний светлоголовый юноша. Недавний «ремесленник», он

за годы войны убыстренным шагом проше огромную дистанцию от неоперившегося уче ника до командира производства. Он — пол новластный хозяин этого блестящего техн ческого оборудования, признанный руковод тель молодежной бригады, выполняющей н пяти станках важнейшую операцию. Им д вольны ребята. Он — на отличном счету у р ководства цехом. Бригада — тоже. Все з дания перевыполняются. Словом, все ид как полагается.

Но с некоторых пор какой-то неугомонн червячок все точит и точит нашего юнош Червячок глубокой внутренней неудовлетв ренности. Ну, чего тебе еще недостает, Ла рентий? Разве станки не изучены в соверше стве? Разве вся бригада не работает б сбоев? Да, все это так. Все девушки науч лись самостоятельно налаживать свои пол автоматы, а Леня Некрасов в любой момен может заменить бригадира. Вдобавок к эт му он, Виноградов, отряжает порой час своих ребят на помощь отстающим участкам Верно все это? Верно. Все это достигну тобой? Да. Так чего же тебе еще надо, Ла рентий?

Может быть, на первых порах он не м дать точного ответа на этот вопрос. Молод рабочий военного времени, комсомолец,

нал только одно: сейчас всего этого мало. Здумчивый парень, натура сосредоточенно-нергичная, он ощущал всю недостаточность ормулы: «Все идет как полагается». Она же не может служить нормой и мерилом в го производственной деятельности. Не может. Ведь сейчас война!

Виноградов критически просматривает технологический процесс, мысленно расчленяет се этапы операции, подмечает паузы в движении станочниц, ускользающие резервы времени. Он еще и еще раз внимательно прикидывает возможности, таящиеся в его станках, прислушивается к их шумам, к их пульсу, к биению их сердец, всматривается в их оведение. Все ли от них взято, все ли высказано? И вот исподволь созревает решение.

Однажды ночью он ставит новый шкив мотора, больший, чем раньше. Так рождается корость сверх положенного. Так рождается целый технический эксперимент. Начинается итва за время.

Опыты следуют один за другим. Скорости величиваются. Смелость юноши возрастает. ывают и неудачи. Ну, что ж, попробуем ще раз! Глубокая убежденность в правильности избранного пути не покидает Лавренния. Это — благородная одержимость большой идеей, упорство новатора.

И вот наступает момент, когда претворяет-ся в жизнь идея перевода станков на повы-шенные скорости. Шкив мотора увеличен. Это не был прыжок в неизвестность. Многое было продумано, взвешено. Но все же, все же — пе-реступить запретную черту, перейти за предел, нарушить границу, строго установленную теми, кто конструировал этот полуавтомат... Риско-ванно? Да.. Что-то сейчас скажет тяжелый ста-нок... Это была минута больших решений и большого волнения.

Станок работает бесперебойно, не расша-тывается. Инструмент выдерживает новый напряженный режим. Кривая брака не взле-тает вверх. Количество выпадов изделий воз-растает с 32 до 46. Следовательно, продук-ции — и какой продукции! — будет выходить на 30—40 процентов больше. Следовательно, в бригаде высвободится один из 4 человек, высвободится один станок. Все в порядке. С сердца отлегает тяжесть. Отлетают прочь все сомнения. Победа!

Опыты производились украдкой, «втихую». Сейчас их можно уже предать гласности. Эксперимент можно претворить в производ-ственную практику. Виноградов так и посту-пает. Комсорг ЦК ВЛКСМ на заводе т. Щер-бак поддерживает молодого рационализато-ра. Начальник цеха тов. Б. Борис также,

После законно придирчивых — дело ведь не
уточное — проверочных испытаний все пять
танков были переведены на большие скоро-
ти. Потом — весь участок, вся труднейшая
перация.

Так перед заводом открылась широчайшая
ерспектива наращения производственных
щностей.

Так были проложены новые пути снабже-
ия фронта дополнительной боевой продук-
ией.

III

Но это лишь схема, контурный рисунок
бытия, происшедшего на заводе. Рисунок,
це лишенный глубины и красок.

То, что проделал Лаврентий Виноградов,
очется осмыслить не в рамках одного лишь
еха и даже не в масштабах целого предприя-
ия. Хочется определить ему место во всена-
одных усилиях воюющей страны. Перед на-
и не изолированный, пусть очень эффект-
ый, производственный эпизод. Не случайный,
усть очень поучительный пример техниче-
кого дерзания комсомольца-рационализато-
а. Перед нами — большое явление. Рассма-
ивать его надо, как характерную черту во-

енных лет. Рассматривать вместе с теми
щественно-техническими условиями, кото
породили это движение.

Тогда нам станет ясно, что это одно
проявлений огромной жизненной силы и
лантливости советского народа, его непре
римой воли к победе.

Все, накопленное за тысячелетнюю жи
народа, все его моральные и материаль
ценности были уверенной рукой полож
на чашу весов.

С немцами сражаются «Слово о по
Игореве» и все разведанные нашими геол
ми редчайшие металлы, томик Пушкина
солдатского ранца и вся таблица элеме
Менделеева. В боевых наступающих по
ках Владимир Маяковский и Николай
ровский, все станки наших предприя
все энергетические мощности страны. Во
сатиры Щедрина, полотна Сурикова, уче
академика Павлова, воюют все врубо
и нефтяные вышки, все колбы и прокат
станы, все молоты и пневматические све
все электропечи, все пилорамы, все раск
ные машины, вся богатейшая техника со
ской индустрии!

Превосходство нашей боевой техники —
личественное и качественное — над всем
нащением фашистской Германии, над «к

скими тиграми» и прочими страшилищами абричными марками Круппа и других воен- предприятий Запада, наше превосходство усилиями технической мысли конструк- ских бюро всего европейского континента, илизованных Гитлером для похода против СР, над взвинченной драконовскими мера- производительностью всей германской про- шленности, в заводские корпуса которой нано 12 миллионов иностранных рабов, — это составляет величайшую победу социа- тической индустрии.

этой исполинской битве станков, природ- ресурсов и технического гения нашего ода рядом с седым, но исполненным гроз- сил индустриальным богатырем — Ура- стоит молодая промышленная Сибирь.

урильщик прокладывает шурф в железо- ных пещерах Темир-Тау. Дальше идут ростные плавки в кузнецких мартенах, ряд есных превращений металла в цехах длин- о ряда заводов и в самом конце этой ли- — поля жестоких сеч. Полный производ- енный цикл! И во всех его звеньях ечатлен вдохновенный труд наших юно- й и девушек, таких, как Лаврентий Вино- дов.

Что представляется наиболее ценным в рационализаторских исканиях? Разумеет-

ся, самое важное — их практические резул
таты. Властное веление военного времени
клич вождя требовали: — во что бы то
стало поднять выпуск продукции для фрон
на небывалую высоту. Этот призыв стучал
в двери всех цехов. Он воспринимался к
голос Родины, как просьба матери, как з
товарища-фронтовика.

Нельзя было и помышлять об увеличени
оборудования, тем более, — о добавочн
рабочей силе. Наоборот, надо было высв
бождать и то, и другое. И Виноградов пе
вым — дальше у него нашлись последоват
ли и на других заводах — обоснованно став
вопрос о переводе станков на высокие ск
рости. Именно — обоснованно. Можно бы
попытаться решить проблему «снахрапу
лихой атакой. Так кое-кто потом сгоряча
пробовал. И что же получалось? Однодне
ка. Ослепительная вспышка производстве
ной сенсации: — ракетой взлетал ввысь сн
сшибательный рекорд, и проходил почти бе
следно.

Прошло много времени, но попрежне
ровно гудят виноградовские станки, и по с
день пышут они здоровьем своих могуч
организмов.

Проведение всякой наступательной операц
требует — как принято говорить в армии

еспечения, и технического и политическо-
. Очень поучительно, как Виноградов обес-
чил успех предпринятого им наступле-
я.

У него, у этого молодого рабочего, своя
философия» взаимоотношений между чело-
ком и машиной. Она в самом сжатом виде
одится к следующему. Предел возможно-
ей того или иного станка не есть нечто не-
менное, данное раз и навсегда. Растут лю-
на производстве, и станки также должны
агать рядом с ними. И отсюда вывод: ког-
ты достиг высоких ступеней квалифика-
ии, начни безбоязненно, но осмотрительно
думывать об усовершенствовании самого
вершенного станка — нельзя ли извлечь из
го больше того, что в нем, по общему
нению, заложено. Таков «символ веры» мо-
дого рационализатора. И, следовательно,
обы перейти на высокие скорости, надо
ло предварительно привить своим хлопцам
обходимые производственные навыки. На-
было, чтобы выросли люди. Виноградов
редает своей бригаде высокую культуру
ращения со станками, ухода за каждой
жинкой, обучает ребят самоналадке,
мке деталей с минимальной затратой
емени и сил. Оттого здесь и пошло дело. От-
го здесь почти не знают слова: — поломки.

Новатор и осторожность — не противост
щие, не враждебные, а дружественные пон
тия. Союзники. Эту не новую, впрочем, исти
еще раз подтвердил Виноградов. Преж
чем выступить со смелым предложением,
предельно изучил станок. По слуху безош
бочно определял — весело или скучно работа
полуавтомат, в исправности ли все пружи
ки, все губки, все сухарики, вся система
тания эмульсией и т. д.

Прежде чем «отрезать», он семь раз «от
ривал» при наладке, при отрегулировке, п
ремонте. Он избрал самый правильный
данном участке путь реализации лозун
«не числом, а умением», — за счет увели
ния производительности станков. Он соед
нил при этом рационализаторскую смело
с холодным расчетом, дерзание — с больш
выдержкой. Когда творческий размах закл
чает наступательный союз с деловитостью
победа обеспечена. Сочетание этих черт
ставляет существо советской техничес
стратегии, стиль молодого производств
ника.

Виноградов поначалу действовал «за с
страх и риск», но имел в виду интересы во
бригады, всего цеха, всего производства.
тени честолюбия — вот что характерно
этом юноше. Он не утаил своих замыслов

ебят и получил от них моральную поддерж- у. Он просил их до поры до времени мол- ать, и они не выдали его. Он готовил их к быстренным темпам работы на больших коростях, и они не обманули его надежд. ригадир и его бригада составляют одно лое.

...Бригадир и его бригада с нескрываемым осхищением следят, как бронзовый гибкий одросток, вскормленный волчицей, затеял в кунглях бескомпромиссную борьбу с чет- роногими и двуногими агрессорами. — раво, Маугли! Бригадир и его бригада — е вместе глубоко взволнованы, когда пе- д их расширившимся от волнения взором звертывается неизбывное горе матери пар- занки... Сейчас они — равны между со- й. Сейчас все они — и Витя Виноградов оварищи зовут его почему-то Витей), и еня Некрасов, и Аня Ануфриева, и Женя икандрова, и Катя Щелгунова, и Аня Анд- нова — только дружная молодежная стай- ровесников. Веселой гурьбой мчатся они кино. Но назавтра, в цеху, он — уже мандир, они — уже подчиненные. Ка- й это важный фактор — правильные взаи- отношения в молодежном производствен- м коллективе. Здесь подстерегают две опас- сти. Здесь могут много напортить как на-

чальственные окрики и напускное важни
ние юного командира, так и занесенные
общежитий на производство привычки бы
вого равенства. Виноградов, как хороший
питан, уберегает свою производствен
ладью от этих подводных камней. Дух весе
го и дружного товарищества прекрасно у
вается со строгой дисциплиной и б
прекословным авторитетом командира. Д
этого нужно обладать тактом, жилкой ру
водителя. Как передовой советский произв
ственник, Виноградов не лишен этих каче

«Сегодня Витя чего-то невеселый». От
чая это про себя, виноградовские ребята
лают безошибочный вывод, что назревают
кие-то производственные трудности. Под
дят, что ли, смежные участки. «Сегодня
тя после смены не пошел домой». Знач
бригадир, отказывая себе в заслуженном
дыхе после тяжелого рабочего дня, оста
налаживать станки, сегодня, по его мнен
слегка капризничающие. Так создается
собою подлинный авторитет: высоким личн
примером, влюбленностью в свое дело, сл
нием с жизнью производства, виноградовск
аккуратностью во всем — от тщательн
смазки полуавтоматов до хорошо повязан
го галстука на безупречно чистеньком
стюме.

е важни
несенные
вычки бы
хороший
водствен
. Дух весе
красно у
ной и
андира.
килкой ру
ий произв
этих каче
ый». От
е ребята
азревают
сти. Под
Сегодня
й». Знач
луженном
ня, оста
его мнен
оздается с
ким личн
дело, сл
ноградовс
тщательн
о повязан
стеньком

И никого не удивляет, что обычно скром-
й до застенчивости, обычно такой мягкий
тя тверд и суров на заседаниях цехового
мсомольского бюро, когда разбирается чей-
будь производственный проступок.

— Знаешь ли ты, что значит недоданная
одукция? Что это значит для страны и
онта? — жестко говорит он провинившему-

Да, у него, у Лаврентия Виноградова, есть
аво строго спрашивать от имени страны и
онта. Он видел сверхчеловеческое напря-
ние боевой страды, видел кровь героев, он
ронил 43 сибиряков-воинов, а, главное —
сам воин умелый и отважный в великой
тве, которую ведет русский рабочий класс
свободу Родины.

В. Кост

МОЛОДОЙ МАС

Эти старые друзья были очень мол
Дружба их, возникшая у кузнечного г
крепла в суровых испытаниях.

Ребята полюбили работу, которой их
чали. Они учились не только сложным п
кам, они постигали высокое искусство
ских рабочих — искусство мастерски тво
свое дело. Но пламя горна, озарявшее с
доточенные лица юных учеников ремесл
го училища, погасло. Ребята увидели с
зенитной артиллерии, вспышки разры
щихся бомб, пламя пожарищ.

Война резко изменила профиль учебы

ОЙ МАС

очень мол
знечного г
.
оторой их
ложным п
искусство
терски тв
зарявшее с
ков ремесл
увидели с
ики разры

риль учебы

надцатилетних подростков потребовались
йкость, выносливость, мужество.
ребят повезли в далекую Сибирь. Из ваго-
они смотрели на бескрайние русские раз-
ы, мягко тронутые тут и там грустной
нней желтизной..
атосковалось тогда по родным оставлен-
м местам, и чем дальше, тем больше и
збывнее становилось это чувство. А мимо
чаще и чаще туда — на запад — проно-
ись тяжеловесные маршруты, груженные
ками, орудиями, углем. Шли воинские
лоны, и снова танки, минометы, снаряды.
ыли тучи. И они — в грозном движении
ем на запад — казались на закате окован-
ми темнокрасной бронзой.
оренастый Коля Шкондин, прислонясь к
рному косяку вагона, долго, не отрываясь,
трел на бегущие мимо поля, березовые
и, прогалины и овраги.
етя Свириденко присел около своего дру-
на корточки и в раздумьи сказал:
— Зря, понимаешь, зря, ну его к черту,
т нас в эту самую Сибирь... Дали бы луч-
нам винтовки или пулеметы и — туда!
— Это вот да... — оживился Шкондин.
— Туда! С винтовками! — повторил Свири-
ко. — Разве мы не ребята, что ли?! Про-
ю даже ехать! Везут, точно детский сад.

1162. 3.

Это чувство долго мешало юным др
освоиться на новом месте.

Продолжая учиться, они начали ра
на Сибметаллстрое. Шкондин попал
горячей обработки металлов, а Петя С
денко — к токарному станку. Не нрав
ему холодноватая четкость инструмента
го дела и тягостной была разлука с д

Петя заскучал по горячей работе с
ленным, жарким металлом. Все у него
дилось, — и на производстве, и в быту

Началась суровая зима. Километ
общежития к заводу, километры — об
В злых воющих вихрях сибирской
труден был каждый шаг. Лицо стыло
ченное морозным ветром, руки кочен
дырявых карманах. Рукавицы можно
получить в цехе, да что в них проку?
стужено все нутро. Казалось, и у пыла
горна теперь его не отогреть. Обрат
домой, к своим!

Но в буранный зимний день, ставш
мятным на всю жизнь, сквозь леденящ
ветра до слуха юноши донесся хриплый
радиорупора:

«Под давлением превосходящих си
тивника наши войска оставили...»

Петр Свириденко услышал названия
ных мест. Он стоял на огромном мост

брошенном через густую сеть железнодо-жных путей большого станционного узла. есь ветер неистовствовал с особенной си-й. Он швырял вкривь и вкось охапки со-анного с перил снега, он трепал полы ку-го бушлата, хлестал в лицо. В взвизгах ри слов больше не было слышно. Но, слов-в рупор, заорало из глубины сердца: — о же теперь с матерью, с отцом?

Вправо, куда уходят рельсы на запад, в иесых вьюжных сумерках загорались зе-ные огни открытых семафоров. И туда емительно пронесся под мостом тяжело-сный маршрут.

«Сверх плана — фронту от коллектива...»

Свириденко не успел дочитать плаката на омелькнувшем внизу составе. Клочья дыма е вились вокруг юноши, гудел под ветром щатый настил моста.

Петр медленно спустился по его ступеням зашагал в общежитие.

Шкондин встретил его хмурым вопросом:

— Слышал?

— Да!

— Зря, — сказал тогда Шкондин, — зря ивезли нас сюда, а не дали нам там вин-ки.

— А может быть как раз и не зря, — сухо етил Петр. — Только что я видел поезд.

Понимаешь, сверхплановое оружие от ра-чих на фронт...

Он хотел еще что-то сказать, но не су… найти нужных слов.

Этот сверхплановый маршрут пронесся… только под мостом. Он пронесся и ск… юношескую душу, оставив в ней неизгла… мый след...

Свириденко стал просить о переводе в… горячей обработки металлов. Его перев… Но поначалу это ничего не изменило. Р… та, которую он выполнял, казалась ему… стяковой и мелочной. Она никак не вяза… с большими его мечтаниями.

Плохо работал Свириденко. Ленился. … рестал уходить в общежитие и ночевал … хе, прячась в укромных углах.

В одну из таких ночей секретарь цехо… комитета комсомола Могжанов нашел П… Свириденко прикорнувшим около душе… помещения.

— Ты что тут делаешь?

— Сплю! — грубо отозвался Петр.

Могжанов улыбнулся и, как будто не… мечая грубости паренька, спросил:

— Ну и что?! Удобно спать тут?

Свириденко долго ничего не отвечал. … том злобно пробормотал:

— Удобно!

— Еще бы! Цемент мягче матраца, рука
есто подушки, душ около... Только, видать,
шем ты не очень злоупотребляешь?

Могжанов пристально смотрел на юношу как бы улучив нужный момент, обнял его плечи и совсем другим тоном, в котором было и тени шутливой насмешливости, росил:

— Плохо, парень, у тебя в общежитии?

— Плохо. И ходить далеко.

— А мы тебя устроим ближе. И насчет жды что-нибудь смекнем. А?

Задушевной теплотой повеяло от этих в. Их нельзя было не услышать. На них ьзя было и не отозваться.

Свириденко начал внимательнее всматри-ься в людей, которые работали вокруг о.

Это был замечательный народ, и только в ных углах, по которым прятался Свири-ко, можно было проглядеть их. Мастер стка Янин, соседи-бригадиры Оченев и зых, творившие чудеса при разделке каленного металла, инженер Дробница — родушнейший человек в косоворотке с тегнутым воротом, реконструировавший жнейшие заграничные станки так, что они инали давать вдвое больше своей проект- мощности...

Эти люди, — а всех их разве перечтешь, — постоянно озаренные бликами огнедышащего металла, были товарищами Свириденко по работе. И в содружестве с ними Петр Свириденко стал выходить на большой путь. Он не «шатался» больше немытым и не укладывался спать в грязных закоулках цеха. Его поселили вместе с Колей Шкондиным в юношеском городке.

Все с большим и большим увлечением работал Свириденко. Он вступил в ряды комсомола, и в этот торжественный день своей жизни сказал Шкондину:

— Теперь возьмусь за «Ланжелье» по-комсомольски. Тут, брат, дело ясное, — мне не стаю пот гнать с машины, ни черта, что она из металла.

Из ученика машиниста он скоро превратился в машиниста. Он с каждым днем работает все лучше и лучше, завоевывает первенство среди машинистов участка. Он бережет свою машину, он никогда не ждет настройщиков, а управляется с настройкой сам.

Наедине он зачастую вступает с машиной в отрывистые разговоры.

— Хорош станочек!.. Есть из-за чего с тобой понянчиться... Но, но... ты

чь-то... Я тебя еще погоняю... Я тебе
пишу, голубка, русского жару...

конце сорок третьего года Петру Сви-
енко поручили создание комсомольско-
одежной бригады. Он подобрал двух де-
ек и пятерых ребят, первым среди кото-
был Коля Шкондин.

ригада Свириденко скоро стала одной из
ших в цехе. Бригадир был самым млад-
среди семерых своих товарищей, но
уменье проявить, когда нужно, непреклон-
строгость и требовательность, его дру-
кая отзывчивость, простота и скромность
али ему в бригаде авторитет, основан-
на чувстве глубокого уважения друзей.

и работали вместе и жили вместе. Часто
ли в кино, а получив первую премию,
или отпраздновать свою победу малень-
пирушкой. Было даже немного вина. Они
выпили с торжественностью, которую хо-
замаскировать напускной небрежностью.
ка легкого хмеля туманила в этот вечер
рные головы.

в этот вечер Петр рассказал друзьям о
хплановом маршруте, потрясшем его ду-
метельный, зимний день.

и достигали все новых успехов. Но не
удачи выпали им в жизни. В тяжелых
таниях зрело их мужество.

Страшные вести пришли почти одновре
но. Отец Пети Свириденко — партизан —
стрелян немецкими оккупантами. Отец К
Шкондина расстрелян теми же немецк
злодеями, а мать и сестра — угнаны в
ство.

Все товарищи — Андрюша Иваницын,
ся Иванов, Ульяна Грыхунова, Шура Ры
Миша Долгушин — искренне переживали
большое горе. У них были теплые челов
ские сердца и много врожденного такта.
скупыми их словами прятались большие
ства. Они не говорили о них. Но молча
требовали своей доли в священном
мщения.

Теперь на каждое изделие, которое
снимали с машины, ложился незримый
бокий чекан:

За расстрелянных отцов!

За погубленных матерей!

За поруганных сестер!

Все больше и больше изделий да
бригада, перекрывая все рекорды и вызы
почтительное удивление окружающих.

Но Петру Свириденко этого было м
Лицо отца всплывало перед его взоро
мысль, что никогда больше он уже не
дит этого родного лица, приводила
ярость.

Он все чаще останавливался за спиной
кондина, машиниста бригады, и, охвачен-
и одним всепоглощающим желанием,
истально следил за работой машины.

По мнению инженеров цеха, производи-
тьность ее была доведена до пределов. Но
ириденко казалось, что холостой ход ма-
ины слишком велик.

Стол машины отходит от головки на
) миллиметров. Этим ходом рабочим дает-
предельный минимум времени, необходи-
й для того, чтобы снять с машины изде-
е, уже подвергнутое обжиму, и установить
мен него новое.

Секунды, регулируемые протяжением хо-
того хода, рассчитаны американскими кон-
укторами с абсолютной точностью. Но
ириденко намеревается вступить в спор с
ериканскими конструкторами. Их расчеты,
жет быть, и безукоризненны с технической
ки зрения. Но это еще не все. Творче-
ю силу советской молодежи никакими тех-
ескими формулами не ограничишь.

Мысль, волновавшая юного бригадира, бы-
по существу очень проста. Он не сомне-
ся, что его друзья без особого напряже-
сумеют снимать обработанное изделие и
анавливать на обработку новое значитель-
быстрее, чем это делалось до сих пор. А

это означает, что холостой ход машины мож-
но укоротить и, тем самым, намного повы-
сить ее производительность.

Свои расчеты Свириденко решил прове-
рить и сам стал на место Коли Шкондина.
Сначала работа велась в старых привычных
темпах. Затем молодой бригадир, никому не
сказав ни слова, преждевременно перевел
ручку включения на обратный ход. Таким
образом, стол машины проделал путь не в
450 миллиметров как всегда, а только в 42...

За этим последовал крутой рывок взлох-
маченной головы вверх.

— Успели? — взволнованно спросил Сви-
риденко.

— Да.

Тогда во второй раз бригадир перевел руч-
ку включения, сократив холостой ход маши-
ны уже на 50 миллиметров. Потом — на 6...
Соответственно сокращалось время для съем-
ки готового изделия и установки нового. Но
для боевых ребят его оказалось достаточно.

— Успели?

— Да!

Еще и еще раз звучал сквозь шум и гр...
хот этот вопрос и один и тот же ответ.

Глаза Коли Шкондина сияли возбужде-
ем. Он видел осуществление своей же мысли...
длина холостого хода машины уже давно...

ила его. Теперь он легонько оттолкнул га в сторону и с ожесточением вцепился учку включения. День этот был завершен стящей производственной победой.

огда цифра выработки была сообщена нанику участка Дробнице, он спросил:

— Шутите?

— Нет! Какие могут быть шутки.

— Шутите, друзья мои, — строго сказал бница.

— Я говорю серьезно! — обиделся бригадир. — Мне не до шуток. Я повторяю... — и он за назвал поразительную цифру.

— Тогда, значит, вы ошиблись в подсче-

— Нет! Никаких ошибок.

— А я говорю — ошиблись. Такая выра-ка на этой машине невозможна!

— Вот она! — Свириденко, теряя самообание, резким движением руки показал на лия. Но значительная часть их была уже брошена в смежные цеха.

— Невозможно, — еще раз сказал инже- которому были ведомы самые сокровен- мощности сложнейших механизмов. — ошиблись, ребята, в подсчетах.

— Ошиблись? — Свириденко, не отрываясь, л вслед удалявшемуся начальнику уча- — Невозможно? Хорошо же...

Выработку, на много превосходившую в
что до сих пор имело место в цехе, записа
в этот день бригаде. Но и эта запись изр
но преуменьшала фактическую.

Несправедливость вызвала бурю негодо
ния среди ребят. Но Свириденко их успоко

— Посмотрим, что запоет Дробница з
тра...

На другой день бригада Свириденко пе
крыла вчерашний рекорд.

— Теперь проверяйте подсчеты...

Взволнованный Дробница, Могжанов,
стера и рабочие собрались около машины

Ее снова пустили в ход. Первый же по
рот ручки выключателя объяснил при
ствующим, каким путем была достигн
победа.

Через несколько минут работы Свириде
скомандовал: «Стоп!»

Он повернулся к Дробнице и, выти
платком лоб, сказал:

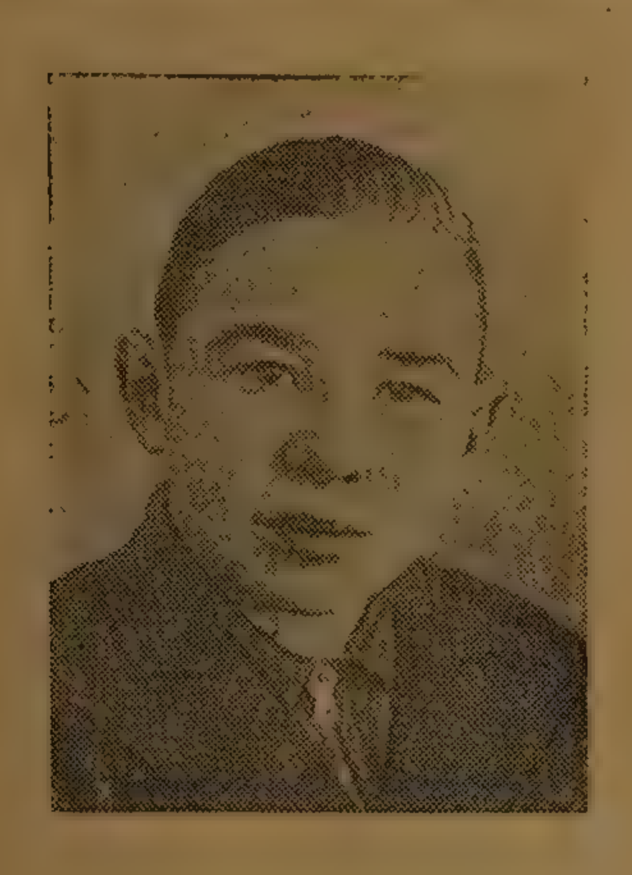
— Есть просьба реконструировать, товар
начальник участка, копировальную линей
Теперь можно укоротить холостой ход ма
ны на семьдесят миллиметров.

В этот же вечер в кабинете у начальн
цеха Петр Свириденко получил большую п
мию.

* * *

Славная бригада стала выполнять боевые
дания изо дня в день не меньше, чем на
вести пятьдесят процентов. Петр Свириден-
был назначен мастером участка. Он на-
ажден орденом Трудового Красного Зна-
ени. Он самый молодой мастер на огромном
едприятии, да и, пожалуй, во всем нашем
роде. И первые его шаги — новые победы.
часток, порученный ему, отставал, но уже
рез несколько дней юный мастер добился
только выполнения, но и перевыполнения
евых заданий.

Когда его расспрашивают о новых успехах,
отвечает скупо. Он предпочитает говорить
своих товарищах — это вот, действительно,
мечательные ребята...

ДЕРЕВО И МЕТАЛЛ

В те дни в книге современной истории
родов и государств еще не было выв
зловещее слово — война. Ее черные кр
еще не пытались застлать от нас со
Жизнь в стране текла по пути великого
зидания, предначертанному разумом соц
стического общества.

В те дни биография четырех только
зывалась.

Босоногий Толя Жудин из Ордынского рай-на помогал отцу, колхозному конюху, гонять а водопой табуны резвых «гнедко» и була-ых. Он любил это занятие и вкладывал в его обстоятельную деловитость и «взрос-ую» солидность приемов.

Напрасно было бы тогда выспрашивать у оли относительно его жизненных планов. аковых еще не имелось.

У Ксаны Власюк, девушки-подростка из-од Киева, уже была своя заветная думка — оехать на учебу в столичный город на непре.

Могла ли она тогда догадаться, что через од — другой имя ее будет вписано в исто-ию борьбы и побед большого завода в Си-ири?

Алеша Гаранин, стройный подросток с тон-им овалом лица и блестящими черными гла-ами, постигал устройство фрезерного ганка.

Кто бы мог сказать, что в недалеком буду-ем он увидит из-под крыла своего бомбар-ировщика, как в разных концах горит фа-истский Берлин, сотрясаемый гулкими взры-ами и воющий от страха визгливыми голо-ами своих сирен!

Тимур Фрунзе, сын пламенного большеви-а, великого пролетарского полководца, гото-

вился следовать по стопам отца — служ
народу на военном поприще.

Он учился в одной из академий РККА

По разным колеям направлялась жи
всех четырех.

Но война с ее сдвигами и потрясени
неожиданно протянула связующую нить м
ду их именами.

...Анатолия Жудина послали в ремес
ное училище. Это было еще до того, как
разилась военная гроза. Страна ска
ему: — ты будешь столяром. Столяро
Анатолий не возражал: — профессия б
явно почетная.

Он будет краснодеревцем.

Мировая литература знает сочный о
жизнерадостного краснодеревца, влюблен
в свое дело.

Это — Кола Брюньон из произведения
мен Роллана. Столяр, резчик по дерев
французского городка Кламмси, гуман
весельчак, он так говорит о своем искус

«Вооруженный топориком, долотом и
меской, с фуганком в руках, я царю за
верстаком над дубом узлистым, над кл
лоснистым. Что я из них извлеку? Э
смотря по моему желанию... Сколько в
дремлет форм, таящихся и скрытых. Ч
разбудить спящую красавицу, стоит то

к ее возлюбленный, проникнуть в древес-
ю глубь...
Как хорошо стоять у верстака, с инстру-
энтом в руках, пилить, строгать, сверлить,
сать, долбить, скоблить чудесное и крепкое
щество. Радость верной руки, понятливых
льцев, из которых выходит хрупкое со-
ание искусства...»

Анатолий Жудин учился делать мебель для
временного жилища. Простую, удобную,
асивую. Без жеманных завитушек старых
илей.

В каскадах желтой атласной стружки,
веселых брызгах опилок рос будущий ма-
эр гардеробов и столов, стульев и буфетов.
Но вот военные трубы горнистов протру-
ли сигнал: — в поход! Защищать Родину,
землю и небо!

..Владельцы платяных шкафов и книжных
эльяжей надели защитную форму. Опусте-
места за обеденными столами — притяга-
ьными центрами семейных трапез и това-
щеских пирушек. Что делать краснодерев-
в эти суровые дни, когда уют человече-
го жилища сменен на бивуачные костры
нов? Где найти применение своим знани-
труду?

Но мудрое плановое начало, которое про-
ает во все клетки народно-хозяйственной

жизни нашей страны, заранее определи
сто Анатолия в военной обстановке. «Р
ленники»-краснодеревцы были перебро
на большой оборонный завод. Там их
фессиональное уменье было органи
включено в большое государственное
производства вооружения.

Ребята попрежнему не выпускали и
рубанки и фуганки. Попрежнему стр
распиливали, склеивали. Но что именно
зумеется, не грациозные этажерки...

Вскоре они организовали молодежн
комсомольскую бригаду. Первую на заво
Анатолий Жудин стал ее бригадиром.
койная серьезность, обстоятельный под
делу, вдумчивость и упорство — все э
ворило за него: — вот надежный парен

Забегая вперед, скажем, что сейчас,
у Жудина солидный бригадирский
можно с еще большим основанием пов
эту характеристику. Распорядительност
вседневная борьба за культуру труда —
ва его манера руководства и работы. З
ление завоеванных позиций — такова с
тика, обеспечивающая поступательное
ние вперед.

Освоившись с заводской обстановк
вскоре выступил рационализатором, п
жив изменить способ заготовки одной

нной детали. Это были кубики сугубо мир-ой внешности. Анатолий предложил отпилить их сразу по шаблону и клеить. Простая, превосходная идея. Даже непонятно, почему она раньше никому не приходила в голову. Препятствовал, видимо, некоторый кон-рватизм технологических навыков. Но как то ни было, предложение Анатолия Жу-на приняли. Он стал вырабатывать 600 единиц при норме в 130. Выработка остальных енов бригады поднялась до 300—400 штук. и таком уровне производительности труда игада оказалась черезчур многолюдной. ожно было стать на путь высвобождения ишних людей».

Это была первая производственная победа онтовой бригады имени Тимура Фрунзе.

...На наших глазах складываются традиции, исполненные мужественной символики и асоты. Молодая гвардия труда присваивает оим штурмовым отрядам имена героев.

Через некоторое время бригада Жудина ла расформирована. Почему?

Это маленькое событие явилось отраже-ем другого, более значительного явления.

Советская страна в ходе войны экономиче-и мужала. Она совершенствовала свое во-жение. На заводе, куда были посланы

наши краснодеревцы, на смену дерев
му кубику пришла металлическая детал

Поэтому бригада Анатолия Жудина пре
тила свое существование. Ребята были
пределены по разным группам. Они —
нодеревцы—отныне будут иметь дело то
с металлом. Они станут клепальщикам
они, включая бывшего бригадира, на
снова возвратятся в состояние ученик
Немного обидно? — Да. Но сделать так
ло необходимо. Жудин и комсорг разъя
умело, и горечь обиды улеглась.

...Все ново, все непривычно. Адский
жет и звон. Кругом все гудит и гремит
сто отполированного тела березы — ма
поверхность металлических констру
Вместо кубиков — заклепки. Тяжело...
рее б овладеть новой профессией.

Не будем придерживаться хронол
ской последовательности в описании
нейших событий. Опустим подробности
общим только, что Анатолий Жудин
лучший клепальщик на заводе. А их
ведь не мало! Его бригада стала выпо
задание на 280 процентов. Она не тольк
няла первое место на заводе, но и
безболезненно расстаться с двумя това
ми, ушедшими на «узкие» места. В бр
осталось четыре человека, но они выпо

оту шести, производя заклепку тридцати ектов вместо двадцати двух. Мысль мо- ого бригадира работает в прежнем на- влении — нельзя ли сделать еще что-ни- ь для уплотнения рабочего дня, для чшения производства? Оказалось, что ра- ы в этом направлении — непочатый й. По предложению Жудина, при работе одним объектом перешли с 16 заклепок 8, после чего испробовали объект на кре- гь. Все оказалось в порядке. По его же, дина, идее начали пользоваться особым ратом, улучшающим качество заклепки. ако бригада Жудина не намерена оста- ться на этом. Молодые рабочие уже по- ляют о том, чтобы перейти на пневмати- ую заклепку при обработке бортов, что ительно ускорит выполнение производст- ой программы. Кроме того, они предлага- отказаться от неких бирок, — также шаг ед в сторону большей рационализации дских работ.

равдавшее себя смелое новшество — эффектная. Рекордная выработка ста- тся злобой дня, предметом оживленных ждений. Она окружает виновника тор- ва ореолом славы и всеобщего уваже- влечет за собой награды и будит в то- щах желание подражать. Но производ-

ственные рекорды вырастают на взрыхлен
почве. Им предшествует повседневная «
ничная» забота о правильной организа
трудового процесса, о подготовке рабо
места, об исправности станка и инструме

В Анатолии Жудине, как маленьком ко
дире производства, есть еще одна це
черта. Он не пренебрегает мелочами, из
торых складывается общая высокая куль
труда, и прививает эти взгляды членам с
бригады.

Перед концом смены усталость разли
ся по всему телу, по всем косточкам. Гу

— Ну, бросай инструмент, братва... П
домой, — раздается чей-то голос.

Но в бригаде Жудина царит порядок.
дин запретил бросать инструмент. — Пол
его бережно, — требует он. Ознакомив
с устройством пневмодрели, ребята по
зачем это нужно. Если неосторожно уро
этот сложный инструмент, встряхнуть
внутренние детали, сместить их — можно
нибудь да испортить, а во время работы
скажется.

На следующее утро — то же самое.
чала, до гудка, идет проверка пневма
ских молотков и сверл. Затем совеща
Пятиминутный производственный «па
мент». Здесь быстро просматривается с

ыдущего дня, обсуждается наиболее вы-ая расстановка сил и приемов. Теперь за ту!

ак два года работает на Н-ском заводе адир Анатолий Жудин. Работает по-ному, продуктивно и скромно, без па-ой шумихи, совершенствуя продукцию и ичивая норму ее выработки. Его бригада нает порывистых скачков и печальных ов в работе, ровно и уверенно идя впе-

едавно Анатолий Жудин получил письмо дому, в котором его мать, Ефросинья новна — бригадир полеводческой брига- -писала сыну—бригадиру Н-ского завода. осле строк, не могущих, казалось, вме-ь всех тревог и нежности большого ма-нского сердца, она сообщала своему не-ядному Анатолию про колхозные дела. о своей стороны сообщаю, что нами очище- отсортировано уже сто центнеров семян, ана одна тонна золы, отремонтировано ть плугов...»

тец юного бригадира Яков Степанович ин — бывший колхозный конюх. 30 лет назад он дрался на боевых позициях с ами в вильгельмовских касках с шиша-. Теперь он вторично на своем веку стил оружие с германским солдатом —

грабителем в светло-зеленом гитлеровс
мундире.

С фронта отец писал своему любим
сыну Анатолию. «Пока что стоим в бли
жах. Ждем момента как бы схватиться
противником и снова его погнать...»

Жудин-сын не сразу соберется напис
родителям: он часто бывает очень загру
работой. Но каждое его ответное посл
зато содержит не только выражение сы
них чувств, но и внушительный рапорт
ветского гражданина и патриота, нем
кладущего на чашу весов для победы
ной страны.

А вот Оксане Власюк некуда было пис
Даже в кругу участливых подруг-сибиря
нет-нет да защемит сердце у семнадцати
ней девушки, пережившей драму эвакуа
горе расставания...

Ее родная Украина, обугленная, испол
ванная ударами бича, лежала с крово
щими ранами под кованым сапогом пал
германца, пришедшего с Одера и Шпрее к
регам древнего Днепра.

Все растоптано...

И лебединой белизны хаты-мазанки
вишневые садочки в роскошном весенне
ранстве из прозрачно-розовых лепестков
словно отчеканенные из меди, полнокру

солнухов, и тихо задумчивые песни, что
глые дивчины в узорчатом домотканье
одили на вечерней зорьке, когда в дымча-
золотистом воздухе разливался медвяный
ах созревающего жита и кудрявого хме-
и довольство колхозной жизни, и сбыв-
ся наяву вековечная мечта селянина, и
а несбывшиеся ее, оксанины, планы
ственной жизни...

се раздавлено... Как часто представлялся
мысленным взорам родной Киев, в котором
обучалась, как и Жудин, столярному де-
Киев, великолепным видением встающий
днепровской кручей, оправленной в гра-
набережных.

се разрушено!

то знает, как бы работала эта девушка,
ди она на завод в другие времена? Но
рь, в дни войны и эвакуации, она выде-
ась в цеху исключительной старательно-
о. Может быть, напильник, которым она
ляла зазоры и зачищала заусеницы, ощу-
ся ею, как оружие в борьбе с заклятым
ом? Оружие, не менее сильное, чем,
кем, автомат или бронебойная граната!

ак или иначе, но не подлежало сомнению
: Оксана — лучшая производственница
участке. И выбор комсорга Риты Храмо-
пал именно на нее.

Это был критический момент в жизни це
и завода. На одном участке застопорил
дело с обработкой необходимейшей дета
По мысли комсомольской организации, на эт
участке и создавалась молодежная брига
Сплошь из девушек. Она была призвана с
ротить поистине гору: участок, который т
мозил работу всего завода, участок, котор
срывал графики, Оксана Власюк должна бы
срочно вывести в число передовых.

О новом бригадире комсорг Рита Храм
думала в это время примерно так: «Верно
что своенравная, верно, — что с большим
молюбием, но в остальном девушка впол
подходящая для этого поста. Если что за
мает — сделает».

Вскоре имя нового бригадира было у в
на устах. Слава о нем выпорхнула из зав
ских ворот. В рапорте, который был пос
в Москву, имя нового бригадира упоми
лось не на последнем месте.

Это было заслужено. Это было зараб
но большим трудом всей бригады.

Семь девчат, действительно, принялись
работу с молодым, неистовым жаром.
сказать так — еще ничего не объяснить. В
и до организации бригады на злополуч
участке стояли не лодыри, не равнодуш

и. Как же случилось, что у девушек де-пошло? Пошла долгожданная деталь де-цитного профиля. Как случилось, что на ке показателей в веселой пляске замель-и «сумасшедшие», как кто-то выразился, фры выработки: 600 процентов, 900 про-тов, 1000 процентов, даже 1100 процен- (у бригадира)? Как случилось, что двух-сячная программа была выполнена за 20 й? Как было расчищено широкое русло нарастающего потока изделий?

Постараемся приблизительно восстановить тину работы бригады Оксаны Власюк.

Прежде всего, девушки не замкнулись в ках одного лишь своего участка. На совре-нном предприятии процесс изготовления брика чрезвычайно расчленен. И плохо, и между работниками разных цехов су-ствует этакая удельная раздробленность. вчата поняли взаимообусловленность, вза-зависимость всех узлов заводского меха-ма.

Вот хромает дело в заготовительной ма-рской. Девушки, после двенадцатичасовой боты, бросают сюда часть своих сил. Они могают, усердно трудятся у верстака. И спечивают свою бригаду заготовками.

от как назло подводит другой участок. игадир тут как тут. Теребит, упрашивает,

требует, вызывает на соревнование, апе
рует к сознанию комсомольцев, беседуе
мастером, прибегает к содействию комсо
И вскоре с этого «фланга» опасность бр
де уже не угрожает.

Вот нехватает так называемых «шом
лов». Власюк подает мысль: организоват
подростков специальную бригаду по р
этих «шомполов». И здесь, с этой стор
задержка ликвидирована.

Вот происходит досадная заминка
так называемых «коробочек». Заготовка
дело весьма деликатное, требующее боль
го искусства. Но опытных рабочих отвл
ют на выполнение других заданий. Брига
бегает к мастеру, бьет тревогу, чуть ли
пускает слезу, но добивается, что «коро
ка» начинает поступать регулярно.

Так бригада оказывала свое организа
ское влияние далеко за пределами сво
участка и даже цеха. Она будоражила
ническую мысль соседей, обращалась к
профессиональной гордости, к производств
ной чести, гражданской совести.

Девушки придумали ряд усовершенство
ний: отмерку «петлей» по сто — сто пять
сят штук вместо десяти, нарезку деталей
десяти штук вместо одной, сконстру

зание, апе
в, беседует
вню комсо
асность бр

емых «шо
рганизоват
аду по р
этой стор

аминка и
аготовка
ощее боль
очих отвл
ний. Брига
, чуть ли
что «коро
но.
организа
елами сво
оражила
щалась к
производств
.
вершенств
— сто пять
у деталей
сконстру

нный общими усилиями вырубной штамп
многое другое.
По предложению девчат был произведен
ренной пересмотр норм. Пересмотр, ис-
дивший из достигнутого ими высокого уро-
я производительности труда. Пересмотр,
сле которого они, как бы играючи, стали
рекрывать задание на 500—600 процентов.
Бригада сократила свой состав на два че-
века, и от этого общие показатели ни-
олько не снизились.
Крепкая производственная и бытовая
ужба царила в этом девичьем коллективе.
Иногда, по окончании смены, девушки
тавались в цеху, и проворные руки, кото-
е за час до этого мастерили грозную обо-
нную продукцию, штамповали значки для
истуков подшефных пионеров, изготовляли
тных зайчиков, нанизывали стеклянные ша-
ки для новогодней елки в детском доме.
Их трудом и борьбой как бы незримо ру-
водил Алексей Гаранин, молодой рыцарь
алинской авиации, чье светлое имя благо-
ейно и с честью носила девичья бригада.
Подруги разыскали его мать, поддержали
лаской, задушевным словом.
Вот всеми этими большими делами и во-
а в историю Н-ского завода бригада Ок-
ны Власюк.

МЫ — ИЗ ФР
ТОВОЙ БРИГ

Николай шел домой. Длинной на это
была знакомая дорога. К восьми час
добрался только до моста через Омку
уже начал сковывать речонку, и только
мой середине синела вода. Ничего прив
тельного не было в этот час на окраин
лезнодорожного поселка, но мальчуган
рассматривал пустынный берег, на ко
беззаботно провел летние дни.

Воспоминания об этих днях «вол
уличной жизни на минуту отвлекли
тяжелых мыслей о том, что будет даль
он быстро, с нахлынувшей самоуверенно

шагал к начинавшемуся неподалеку скве-
у. Он даже по привычке машинально протя-
ул руку, чтобы на ходу отломить ветку от
олодого тополя, но рука соскользнула с
ерстью мокрых, холодных листьев. Прикос-
овение их с новой силой вернуло Кольку к
учительной мысли о том, что, так или ина-
е, а несет он матери весть о своем исключе-
ии из седьмого класса, и вновь появилось
алодушное желание оттянуть время до при-
ода домой, а то и совсем не приходить.

В степи, начинавшейся сразу же за горо-
ом, жили сыновья кочевников, страстные на-
здники и джигиты. С их страстью к коню
ожно было сравнить колькино восхищение
скомотивом. Зависть к тем, кто водит поезда,
младенческих лет коренилась в сердце Ни-
олая Невротова, воспитанного на семейных
еданиях о поездных происшествиях и до-
ожных приключениях.

Николай знал в лицо почти всех машинистов
мского депо и задумчиво проводил глазами
зе лоснящиеся от копоти и масла черные
игуры, встретившиеся ему.

Но и в тот вечер победа была одержана
атерью Николая Невротова. Привязанность
родному дому и транспорту, внушенная ею,
азалась сильнее влияния улицы.

* * *

Николая определили в ФЗО, учитьс
слесаря. В первый же день он решил
«утрет нос» остальным фабзаучникам.
тотчас ему пришлось познать, как терн
труден путъ к желаемому.

Напильник не хотел его слушаться. К
поворачивал его и так и этак, пробовал
по-разному. Но пальцы не могли совлад
инструментом. Его, колькины, пальцы о
лись настолько неловкими, что напильни
и дело соскакивал с обтачиваемой гай
после двух — трех движений только гл
ее поверхность.

Николай с недоумением и досадой по
рел на свои пальцы. До этого руки е
разу не подводили. В драке они были си
Проворны в игре. А теперь, вот, опять с
чил напильник. В отчаянии он бросил
подтишка быстрый взгляд на работа
рядом, таких же новичков, как и он. Со
роны были виднее их промахи и неум
Значит, неловким был не один он? Надо
попробовать, раз другие не отступают.
вновь принялся за гайку. Он хотел езди
паровозе. Знать бы, кто и зачем при
ширкать по железу железом! Одну гайк
как-нибудь обточит. А больше - - благо
покорно! Нашли дурачка... Пусть обтач

и тот парень, что старается рядом. Даже язык высунул от усердия. Он близко не подпустил бы его к своей ватаге. А как держит напильник, а? Как он его держит! Как обращается! Как девчонка с вязальной спицей. Простой, Колька, а ведь у него-то получается ка...

И снова припал к тискам Николай. Принялся ширкать по железу железом. Не останавливаясь, не отрываясь, напрягаясь до пота, не обращая внимания на сбитые пальцы, на выступившую из ссадин кровь. Только бы выточить одну гайку и бросить, и уйти...

Он не сразу поверил, что первый гайку обточил все-таки он. Почувствовал радость: он тоже мог обтачивать гайки! Он выточит их еще много. Он принесет и покажет матери гаечку, сделанную им из простого куска железа. Да, он умеет обтачивать гайки...

В зимние вечера занесенную сугробами снега, прокопченную паровозным дымом мастерскую переполнял смех и крики мальчишек. Закончив работу, они долго не хотели уходить домой. Они рассаживались на верстаках, закусывая здесь же. Начинались блаженные часы увлекательных росказней обо всем на свете; была и выдумка, и ребячье хвастовство, но быль и небывальщина все больше складывались о силе и ловкости, свидетелем которых

оказывался непременно один из присутствующих. Увлекаясь, они не замечали, как кто-нибудь из подсевших комсомольцев, болтая и смеясь вместе с ними, неизменно сворачивал разговор на то, что жить надобно с пользой для общего дела, что личное удальство и первенство не такая уж большая заслуга, если за ним нет чувства исполненного долга перед своим народом.

* * *

Комсомольская организация Тайгинского депо наследовала хорошие традиции. В депо хранились изустные рассказы старшего поколения рабочих об их участии в революционной борьбе.

Переведенному в Тайгу из Омского депо молодому слесарю Николаю Невротову понравился здешний вокзал, городок за станцией. Многоголосно откликалась тайга на паровозные гудки. А мощный гудок, возвещавший о сменах на всю округу, был тем самым, которым в 1905 году деповские объявили о своей солидарности с рабочим классом Петербурга и Москвы. Этот гудок возвещал о митингах, на которых присутствовал Киров! Этот гудок салютовал в час прощания с Лениным. Имя Ленина носил комсомол. В ряды комсомола был принят бывший предводитель озорной мальчишеской ватаги. Яснее, понятнее стало

свое место в жизни. Но одно оставалось прежним — он должен добиться права водить поезда.

По вечерам на асфальтированном перроне прогуливалась местная молодежь. У стен белого вокзала ласкали глаз и нежно благоухали в цветниках резеда и табак. Огни подлетавших с грохотом поездов дальнего следования манили Колю. Здесь созревало давнее юношеское желание стать машинистом, таким, как дядя, о поездках которого и о собственных тревогах в зимние вьюги, когда муж по неделям не возвращался из дальних рейсов, рассказывала тетка. Самой стоящей, самой увлекательной, самой достойной уважения профессией для Николая была профессия машиниста.

Так текли дни молодого слесаря. Деповская комсомольская организация была в центре молодежной жизни всего городка. Николай любил митинги в обеденные перерывы, веселую сутолоку смен, лыжные походы сквозь голубое заколдованное царство зимней тайги, кино, концерты, передаваемые по радио из самой Москвы...

Для транспортника родной город — вся его дорога. Главная улица этого города — железнодорожная магистраль со всеми станциями и разъездами, расположенными вдоль линии.

Леса и степь, подъемы и выемки, реки и мосты через них, будки путевых обходчиков и дома путевого надзора, сохранившие название казарм еще от дореволюционного времени — все знакомо на этой гигантской улице. И когда Николая Невротова перебросили из Тайги в Новосибирск, потомственный железнодорожник воспринял это как перевод в другой, более крупный цех. Было немного грустно расставаться с лесным городком, с товарищами, но молодость жадна до впечатлений, а жизнь в самом большом городе Сибири сулила много нового. Вскоре к этому чувству приятной новизны прибавилась долгожданная радость. Николая командировали на курсы машинистов. Стало близким осуществление заветного желания. Наконец-то он выведет за ворота депо свой первый паровоз.

Наступил и этот долгожданный день. Ворота депо распахнулись. Он долго ремонтировал паровозы для других. Годы ожидания и труда были позади. Первому рейсу сопутствовало волнение, знакомое каждому, кто через препятствия достигал намеченной цели. Стук колес звучал как торжествующая песня: еду, еду, еду в далекие края...

В этот день все улыбалось Николаю, мир был устроен отлично.

Из первой поездки он вернулся с подарком

для матери. В Новосибирске она вновь налаживала свое маленькое хозяйство. Женам железнодорожников привычны переезды, связанные с переводами мужей из депо в депо, со станции на станцию. Вновь по вечерам собирались за семейным столом. Приходила и тетка, перебравшаяся вслед за ними в Новосибирск. Николай, вернувшись из поездки, рассказывал о встречах со знакомыми по Омску и Тайге.

Близкие радовались: он уже помощник машиниста. Недалеко время, когда Николай получит право самостоятельного вождения поездов. Николай принимал как должное все преимущества и свободы, добытые предыдущими поколениями в тяжелой борьбе, как само собой разумеющееся естественное положение. И только иногда, после высказанных к случаю теткой или матерью сетований на то, как много приходилось раньше их мужьям задобривать начальство, ухищряться, просить, чтобы получить работу, Николай задумывался и невольно спрашивал себя: как бы он поступил, если бы понадобилось отстаивать свое право на труд, отдых, учебу.

Полгода езды на паровозе были счастливейшей порой. Потом, как бы преддверием к грядущим испытаниям, проверкой духовных качеств юноши, явился приказ администрации

депо: Николая переводили с паровоза на прорыв в промывочный цех. Комсомолец Невротов беспрекословно подчинился. Снова отдалилось в неизвестное будущее осуществление заветной цели. Но перевод был временным. После ликвидации прорыва Николай немедленно вернется на паровоз...

Но он не вернулся.

В знойный июньский день, когда пропитавшаяся мазутом земля около депо раскалилась и блестела на солнце, пришла весть о войне, и личное опять отступило перед гражданским долгом.

Первый день работы в стокерной бригаде подъемочного цеха, куда Николай получил назначение, оставил острое чувство неудовлетворенности. Хотелось немедленно и ощутимо увеличить помощь фронту. А в стокерной бригаде все было подчинено давно заведенному порядку, казалось, неизменяемому, раз навсегда утвержденному, устоявшемуся и непреложному.

Вскоре еще горшую досаду принесли известия с фронтов. Неутолимое желание сейчас же что-то сделать, сейчас же принять на свои плечи хоть часть великого бремени, нависшего над его страной, — вот что с особой остротой почувствовал в эти дни рабочий парень.

К вокзалу прибывали поезда с эвакуирован-

ными. В глазах многих застыло выражение страдания, непереносимой тоски о близких.

Николай обратился к мастеру цеха с просьбой, удивившей всех. Он попросил взять из его стокерной бригады трех взрослых мужчин, оставить его одного, дав в помощники какого-нибудь мальчугана из ФЗО. Он обещал вдвоем с мальчишкой справиться с работой целой бригады.

Полторы рабочих единицы — Николай и его подмастерье — стали выполнять дневное задание четырех человек на 300—400 процентов.

Но цех продолжал работать по-старому. По-старому — это значит плохо. По-старому паровоз находился здесь 108 часов. Это было узаконено, считалось нормальным. Еще хуже было то, что план ремонта паровозов не выполнялся. Всегда тяжело сознавать, что работаешь в отстающем цехе. В напряженные дни войны это сознание было непереносимым. Невротов был натурой деятельной, активной. Но мог ли один человек рассчитывать изменить положение? Значит — примириться с этим, свыкнуться? Никогда!

Враг наступал. Фронт требовал помощи. Железная дорога, главная артерия, связывающая тыл с передовой линией, испытывала все трудности, знакомые другим производствам, не имея ни одного преимущества. Идеи новой

организации трудовых процессов — на военный лад — возникали в самой рабочей среде, у станков зарождались движения двухсотников, многостаночников. Здесь были истоки великого патриотического подъема, изумительного и яркостью проявления, и стойкостью, определившей содержание всех военных лет.

Страна переживала нечеловеческое напряжение. Оно легло на плечи не только фронтовиков. Не раздумывая над трудностью задачи, за которую он берется, только сознавая, что она должна быть выполнена, комсомолец Невротов приступил к реорганизации всего процесса ремонта паровоза.

Накануне, перед приемом нового паровоза Николай с настойчивостью, противиться которой было невозможно, внушал всем в цехе — и командирам, и рядовым рабочим, и подросткам из ФЗО, что следующий день необычен, что равен он большому наступлению на полях сражений, что нужно к нему приготовить все: волю и мастерство, сноровку и выдержку слить в единое согласованное действие.

И вот наступило это завтра. Принят первый паровоз. Запасные части подготовлены. Инструмент в порядке. Решимость совершить невозможное удесятерила силы.

Сейчас изучают, внедряют, создают соответствующие нормировочные деления и графики

на основе того, что было сделано тогда, в тот день. Но тогда казалось невероятным, чтобы работа по подъемке паровоза, выполнявшаяся до этого за его восемь часов была сделана в этот день за ... шесть часов. Слишком резок был скачок. Цех дал 1100 процентов плана. Движение тысячников вошло в депо. Началось оно в ранее отстававшем цехе. Во главе движения стал не старый производственник, а молодой парень, комсомолец Невротов. Впрочем, в Новосибирском депо это был уже не первый случай патриотического начинания, исходившего от молодежи. Здесь зародилось и разрослось по всей стране лунинское движение.

В столь же короткий срок был отремонтирован второй паровоз, за ним третий... Люди в цехе не верили, что наконец-то они обогнали время. Николаю Невротову предложили стать бригадиром. Он понимал, что молодому парню трудно сразу стать начальником над пожилым рабочим. Да к тому же в депо было много новичков. Он продумал предложение администрации и ответил на него встречным: создать не одну, а две самостоятельные бригады. К себе в бригаду он попросил дать исключительно комсомольцев. Николая не смущало то обстоятельство, что среди них не все были опытными производственниками, что некоторые ребята еще не умели работать, а другие

несерьезно относились к своим обязанностям. Они жили в глубоком тылу. Войну знали только с чужих слов. Опасностей не испытали. К трудностям привыкли исподволь. Но Николай не сомневался, что с ними он сделает многое. Он не ошибся. То, что в бригаде были только комсомольцы, сплачивало ребят. Бригадир не стеснялся спросить с неуспевающего, приказать нерадивому.

К 24-ой годовщине Октября у многих парней из бригады Невротова на тужурках появились значки «Отличник сталинского призыва». Одиннадцать премий за два последующие года, полученных самим бригадиром, — это одиннадцать раз отмеченное беспрерывное перевыполнение производственной программы. Это паровозы, сданные за несколько коротких часов ударной работы. Это — эшелоны с вооружением и продовольствием, отправленные без задержки, по первому требованию фронта. Это — недели, декады и месяцы фронтовых вахт, вставая на которые молодежь старалась даже во внешних проявлениях показать свое духовное родство с фронтовиками.

* * *

Обстановка изменялась. Шел 1943 год. Красная Армия победоносно наступала. Транспорт, депо, люди, города — были прежними,

но неуловимо присутствовал на всем радостный отсвет победы. Еще клубились на горизонте грозные тучи, но уже повеяло свежим ветерком рассвета, и люди жадно вдыхали его животворящее дыхание.

И снова сладостной мечтой встало желание водить поезда. Ведь он так давно жаждал этого, так стремился к паровозу с мальчишеских лет! Скоро, скоро по стране пронесется, как вздох облегчения, желанное слово: «полная победа!» Все останется позади: дым и смрад сражений, и бессонные ночи, и соленый пот великого напряжения...

В апреле, когда особенно буйно расцветают надежды, он получил приказание подготовить себе на смену нового бригадира. Приказание было многозначительно и многообещающе. Как часто, стремясь к чему-нибудь, мы торопимся опередить события и заранее предугадываем их ход в соответствии со своими помыслами. «Наверное, переведут на паровоз», — думал Николай, выполняя распоряжение. Все праздничные дни окрыляла надежда. Май был в этом году чудесен.

Но вместо желанного паровоза Николай получил бригаду... в промывочном, отстающем цеху. Его снова послали туда, где требовался комсомольский пыл. Война не кончилась. Восстанавливаемые вслед за наступающей армией

железные дороги требовали паровозов, вагонов, людей, материалов.

Снова его обманула надежда.

Это было невыразимо тягостно. Снова потребовалось огромное напряжение сил и воли. Снова трудности. А тут еще «подлила масла» бригада пассажирского парка.

Войдя однажды в цех, вскоре после своего назначения сюда, Николай увидел, что его ребята стоят кружком, в центре которого находится кто-то посторонний. Этого чужого человека ребята внимательно слушают, так внимательно, что не замечают своего бригадира. Когда Николай подошел вплотную, он через головы собравшихся увидел того, кто стоял в центре. Он увидел, что его бригаду собрал Коржов, бригадир пассажирского парка.

Коржов что-то читает, ребята слушают, молчат. Наконец, Коржов поверх их голов увидел Николая. Лукаво усмехнулся, но читать не перестал. Делать нечего, оставалось слушать и Николаю. Он вслушивался, все еще недоумевая, что значит появление Коржова среди его, невротовской, бригады. Наконец — понял. Бригада Коржова вызывала на соревнование невротовцев. Момент для начала соревнования был трудный. Работа промывочного цеха еще не была освоена. Брать обязательства, те, на какие вызывал Коржов, было рискованно. Но

не отступать же было! Николай решил не отступать...

Вызов был принят. Обязательство взято. Средний ремонт паровоза проводить за 90 часов, вместо 180. Началась борьба за минуты.

Готовились, как всегда. Строго продуманно и в то же время с огоньком производственного азарта. Инструмент проверяли накануне. С утра — за дело. Ремонт еще не был закончен, а бригадир уже подавал команду:

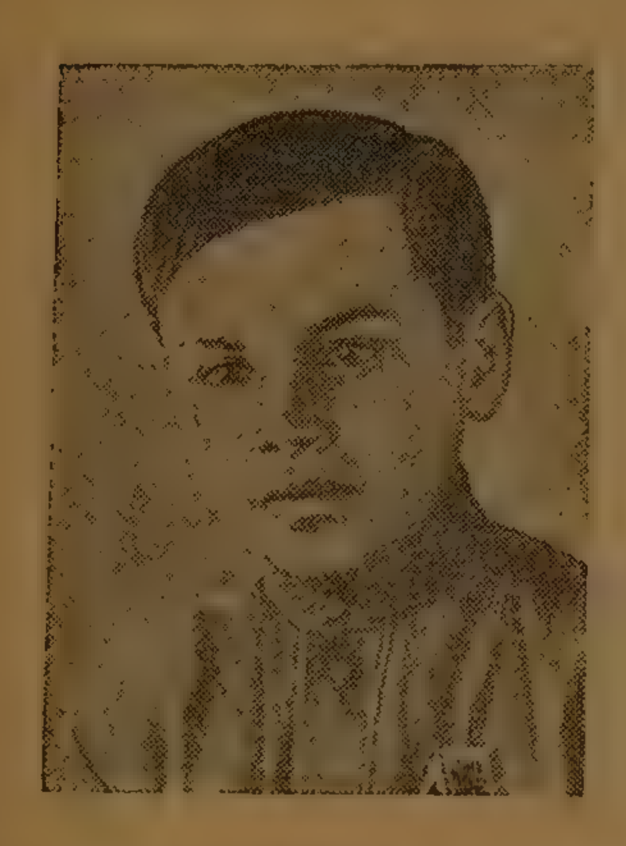
— Заправить топку, дать пар!

Первый паровоз вышел из депо на 10 часов ранее обещанного. Следующие заняли не больше времени. Невротовцы победили.

Восемьдесят — вместо ста девяноста! Но разве могло это достижение равняться с тем, чего он добился раньше, работая в цехе подъемки? И борьба продолжалась за сокращение простоя паровозов, за сокращение рабочих рук, за высшую организацию труда. И к осени бригада Николая Невротова с пятнадцати человек сократилась до восьми, выполняя прежнюю норму.

Пришло время — война осталась далеко позади. И ребята могут с гордостью сказать: — Мы из фронтовой бригады, мы были в строю, когда шла смертельная борьба. А вожаком у нас был Николай Невротов.

———

ЭНВЕР-БЕК

Щеки Шипкета румянее обычного. Глазенки блестят. Мальчик болен. Ему душно. И мать широко распахнула окно.

В чистенькую, уютную комнату ворвался ароматный осенний ветер. Краешком заглянуло небо, подернутое тонкой шелковистой завесой темносиних облаков, в складках которой запутались блестящие, как алмаз, звезды.

В комнате нас четверо. Кроме Шипкета с матерью, шестиклассник Шамиль, третий сын Губайдулиной, и я. Есть у Сафуры Рахимовны еще два сына, но они на работе. Нияс приходит очень поздно. Нам его, пожалуй, не дож-

даться. А вот Энвер-Бек должен быть с минуты на минуту.

Энвер — гордость семьи. Всеобщий любимец... Но о нем рассказ впереди...

Отца в семье нет. Шакиржан Губайдуллин умер, когда самому маленькому было всего несколько месяцев от роду. Десятый год мать одна растит своих детей.

— Не матери хвалить своих сыновей. А все-таки плохого за ними не замечаю, — с ласковой улыбкой говорит Сафура Рахимовна. — Старшие — работники уже, а младшие учатся. Отличники в школе.

Братья живут дружно.

— Только Энвер-Бек, — жалуется Шипкет, — книги у меня отбирает. Ты, говорит, еще маленький такие книги читать. А какой я маленький, мне уже 10 лет. Разве братья так делают? Вы об этом тоже обязательно напишите, — обращается ко мне мальчик.

Я стараюсь объяснить ему, что брат, поступая так, желает ему добра. Но Шипкет упрям. Этот вопрос им, очевидно, давно уже разрешен, и переубедить его трудно.

— Нечего сказать, хорошее добро — книги не давать читать, — недовольно бормочет он.

Сегодня вечер выдался на редкость хороший. Вечер настоящей золотой сибирской осени. И очарование, навеянное им, заставляет

нас на время умолкнуть. В комнате воцаряется тишина. Пока, наконец, самый младший не нарушает ее.

— На улицу бы теперь. Небо сейчас такое хорошее: вот бы полететь на самолете. Счастливые люди летчики. Знаете, я, как Энвер, решил непременно быть летчиком. Энвер сказал: «Кончится война, пойду учиться на летчика». А мне придется обождать немного, пока школу кончу, — Шипкет с сожалением вздохнул и ненадолго задумался о будущем.

Мечтать любит не только он. Тринадцатилетний Шамиль, самый серьезный и ученый член семьи, иногда тоже не прочь оторваться от своих книг и помечтать о том, скольких людей спасет врач Губайдулин от смерти. Нет, врач — это мало.

— Я хочу быть знаменитым профессором. Придумаю что-нибудь такое, что до меня еще никто не придумывал... — говорит он и, смутившись высказанной вслух самой сокровенной своей мысли, сразу замолкает.

— Шамиль даже очки где-то раздобыл, чтобы на профессора походить. Его и в школе, и дома иначе не называют, как «профессор», — боясь, что его перебьют, скороговоркой произносит Шипкет.

Мать, слегка обеспокоенная, все чаще и чаще вглядывается в сгущающиеся сумерки: —

«Энвера долго нет. Он, знаете, с сегодняшнего дня по две смены работает. Взял на себя обязательство в честь годовщины Октября одну смену в своем цехе работать, вторую — в первом. Там квалифицированных рабочих мало, решил помочь. А уж если Энвер что-нибудь задумает, не успокоится, пока не сделает. И на фабрике, и дома такой. Часто сам придет усталый, а дома по хозяйству хлопочет, если я управиться сама не могу...»

В коридоре послышались легкие шаги. Дверь с шумом раскрылась, и на пороге появился небольшого роста подросток с огромными, темными, как спелая вишня, глазами, вздернутым носом и смеющимся ртом.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, Энвер-Бек, — пришла к вам в гости, посмотреть как вы живете.

— Хорошо живем.

— Вижу, что хорошо. Только вот брат жалуется.

В комнате все засмеялись. Один Шипкет обиженно обернулся к стене.

— А-а, Шипкет?.. У нас ссоры из-за дела. Зря не ругаемся.

— Оттого ссоримся, — решительно заявляет младший брат, — что у него, как у меня характер. Все по-своему хочет сделать, а я по-

Зак. 1162. 6.

своему. Он тоже упрямый такой. Мы с ним оба на отца похожи.

Женщина засуетилась у стола, заботливо приготавливая сыну ужин. Энвер, извинившись, усталой походкой вышел из комнаты. Через несколько минут вернулся чистым, переодетым. На груди его красовалась медаль «За трудовое отличие» — награда правительства за самоотверженный труд в дни Великой Отечественной войны.

Мальчишески задорное, жизнерадостное лицо Энвера выдает его годы. Так и кажется, что он сейчас как-нибудь да напроказит. Но во взгляде его часто проскальзывает недетская серьезность. Биография Энвера только начинается. И первые самостоятельные шаги в жизни — это его первая большая победа.

Он садится за стол.

— Очень устали?

— Нет, не очень, — весело улыбается Энвер, — это только дирекция так думала, что я сильно уставать буду и не справлюсь. А мне, как видите, ничего не сделалось. Три нормы сегодня дал. Одну — в своем цехе (и то потому лишь, что товара было мало) да две в первом...

Вдруг юноша рассмеялся.

— Вспомнил, — как в первый раз в цех пришел, — поспешил объяснить он.

Длинное, высокое помещение, пахнущее кожей и дегтем. В нем много обувных машин, начиная от простой швейной до сложной винтовой. Это «детский» цех, как называют его на заводе. Почти все здесь работающие «фабзавучники». Некоторые из них еще учатся, большинство работает самостоятельно.

Цех организовался два года назад. В числе учеников, впервые попавших на большое предприятие, был один, выделявшийся очень маленьким ростом. Да и лет ему было немного.

— И к какой машине поставить тебя? Ума не приложу, — недоумевал мастер.

Действительно, все машины были слишком велики для мальчика. Наконец, выход был найден. К затяжной машине приставили большую подставку. Товарищи посмеивались.

— Может быть тебе еще стол поставить?

— А на стол стул?

На незлобивые шутки товарищей ученик не обижался и весело смеялся вместе с ними. Только изредка, когда никто не видел и не слышал, тяжело вздыхал: «Эх, подрости бы скорей».

Прилежного внимательного ученика все полюбили. Мастерам особенно нравилась его понятливость. «Этот все с полуслова понимает», — говорили о нем.

Прошло больше года. Однажды, в обеден-

ный перерыв, в цех зашел секретарь комсомольской организации.

— Как дела, Губайдулин? — остановился он подле станка Энвер-Бека, объяснявшего что-то своему товарищу. — Слышал, ты больше нормы в день даешь. Молодец! Зовут-то тебя как?

— Энвер-Бек.

Энвер покраснел от похвалы и чуть не свалился с подставки.

— Красивое, брат, у тебя имя. Только сразу его не выговоришь...

— А мы его просто Колей называем, — подсказал кто-то.

— Ну как, Коля, в комсомол готовиться хочешь?

— Очень хочу...

— Заходи ко мне после работы. Потолкуем.

Секретарь еще некоторое время оставался в цехе, рассказывая ребятам о событиях на фронте. После его ухода только и разговору было, что о комсомоле.

— Комсомольцем захотел стать? — спросил Ли-Си Ун, приближаясь к группе ребят. — Не примут. Посмотрят на тебя и скажут: «Зачем нам такой... крохотулька».

— Примут, — уверенно ответил Энвер. — Буду хорошо работать и примут. А рост тут не причем.

— Правильно, Коля, — поддержал Энвера его лучший друг Слава Готовцев.

— Он думает, если его не примут, так и других принимать не будут.

— Подумаешь, тоже выискался. Не слушай, Коля, его, — сердито закричали мальчики.

— Ты, Ли-Си Ун, большой, а что толку?

Атакованный дружной группой, Ли-Си Ун зло нахмурился и отошел в сторону.

В цехе Ли появился недавно. Часто не выходил на работу, ругался, курил. Вскоре почувствовалось его дурное влияние. Некоторые ученики стали плохо работать. Появилась махорка.

— Закурим, Коля? — часто предлагал кто-нибудь из приятелей Ли.

— Я не курю. И тебе не советую.

— «Не курю»,—ехидно передразнивал тот,— видели мы таких тихонь. «Не курю», а у самого небось слюнки текут.

Паренек сильно затягивался, с наслаждением выпуская тонкую, сизоватую струйку дыма сквозь зубы.

— Не тронь его, он еще ребеночек. Мама курить запрещает, — смеясь во все горло, говорил подошедший к разговаривающим Ли.— Подрастешь, приходи. Табак для тебя найдется.

Насмешки больно задевали подростка. Ис-

кушение было велико. Но у маленького Энвера оказался сильный характер.

...В цехе, кроме двух взрослых рабочих, никого нет. Смена давно уже закончена. А Энвер все еще не может расстаться со своей машиной. Теперь для него уже недостаточно только хорошо работать. Он решил изучить весь процесс затяжки обуви, чтобы справляться с любой операцией.

Быстро проходит время. Вместе со временем торопится и Энвер. Наконец, настал день, когда ученик мог совершенно самостоятельно и притом отлично производить обтяжку и затяжку бочков и пяток.

Тра-та-та-та-та — непрестанно выбивает молоток по ботинку. Чьи-то ловкие пальцы проворно подтягивают клещами короткую заготовку. Возле Энвера образовалась большая гора обуви.

— Не работник, а золото, — говорил восхищенный мастер. — Вот его работа! Посмотреть любо-дорого, — обращается он к остальным ученикам.

Легкая струйка зависти приливает к сердцу каждого. И когда они подходят к своему рабочему месту, цех мгновенно наполняется шумом разноголосых машин, от которого начинает дрожать пол... Только Энвера обогнать не так легко. Ведь изо дня в день против фа-

милии Губайдулина приемщик ставит:—«200 процентов». Это значит — вместо трехсот пар за смену сделано шестьсот.

— Теперь уже наверное примут в комсомол, — думал Энвер, возвращаясь после работы домой. И однажды вечером написал заявление в фабричный комитет ВЛКСМ.

Мечта юноши сбылась. Он стал комсомольцем.

Цеховые ребята больше не ждали прихода секретаря, чтобы узнать о героических делах своего народа. Ежедневно перед началом работы комсомолец Губайдулин проводил политинформации.

Все чаще и чаще появлялась его фамилия на фабричной «Доске почета» рядом с фамилиями старых, заслуженных рабочих. Невысокого, подвижного подростка вскоре узнали на фабрике все. И когда нужно было избрать делегата на первый областной съезд молодежи — избрали Энвер-Бека.

— Если зайдете к нам на фабрику имени Кирова, — говорил с трибуны съезда юный делегат, — то увидите, что половина рабочих — молодежь. И взрослые не обижаются на ее работу. Мне 14 лет, но наравне со взрослыми выпускаю крепкие сапоги. Я уже научился работать на трех машинах, учусь на четвертой. Поставил себе целью овладеть всеми маши-

нами пошивочного потока, чтобы в любое время заменить взрослых...

Никогда Энвер не выступал на таких многолюдных собраниях. Сначала было даже немного страшновато. Он робел, но виду не показывал.

—Правда,—все смелее и смелее продолжал он, — некоторые машины очень высоки, а я ростом небольшой, и мне приходится подставку делать. Но я надеюсь, что скоро подрасту и подставки не потребуется...

Я обязался ежедневно заготовлять 600 пар детской обуви, вместо трехсот, установленных заданием. Это я выполняю. Только меня задерживает обтяжчица Федорова, которая еще плохо овладела своей специальностью. Я ей помогаю, и скоро она будет успевать за мной...

Выступление Энвера было коротким. Но ему казалось, что он говорит очень, очень долго. Его провожали тепло. Среди аплодирующих был и секретарь обкома партии М. В. Кулагин.

Здесь, на съезде, молодой рабочий впервые по-настоящему почувствовал, что ему доверено большое и ответственное дело. И неудержимо захотелось поскорее возвратиться на фабрику, поделиться с товарищами новым, неожиданно пришедшим ощущением.

— Ну, Юрий, — говорил начальник цеха стоящему перед ним Ли-Си Уну, — придется нам с тобой распрощаться. Долго мы тебя упрашивали не хулиганить, уговаривали хорошо работать. Теперь хватит. Ты не ребенок.

Ли, хмуро насупив брови, молчал. Все сказанное было справедливо. Ему и самому надоело такое поведение. Но где-то в глубине души боролось у него два человека. Один — приказывал попросить начальника не увольнять с фабрики, а второй — упрямо сжимал губы.

— Жаль, Юра, — продолжал начальник цеха, — жаль, что ты не можешь побороть в себе плохое. Вот, Коля какой молодец у нас. С характером паренек. Дурное сделать каждый сможет; а вот побороть в себе это плохое — сумеет не всякий, для этого сильную волю иметь надо. Ты думаешь, он сразу работать-то так научился. Нет, друг мой, не сразу. Просто силы воли в нем много, крепкая личность будет...

— Что вы мне все Коля, да Коля. Сам я не хуже его работать умею, — запальчиво крикнул Ли-Си Ун.

— Не умеешь, — спокойно заметил начальник.

— Вы вот поставьте меня на другую маши-

ну, тогда увидим еще, кто из нас лучший работник.

— На какую это тебя машину поставить?

— На вбивочную.

— Ого, чего захотел. А справишься?

— Справлюсь! — крикнул Ли.

Начальник цеха задумался. Ли, затаив дыхание, ожидал решения.

— Ладно, валяй!

От неожиданности Ли даже растерялся, затем пробормотал что-то невнятное, по всей вероятности слова благодарности, и выбежал в коридор. Вслед ему хитро улыбались глаза руководителя.

С той минуты между двумя пареньками началось негласное соревнование. Внимательно, с любопытством следили за ним в цехе. Ли-Си Уна словно подменили. Быстро овладел он вбивочным процессом, отлично изучил машину и с нежной заботливостью за ней ухаживал.

— Вот так Ли! — удивленно разводили руками мастера.

Цифра выполнения плана у Ли все росла и росла. Казалось, вот-вот он нагонит Энвера.

— Ты что ж это, догонит ведь Юрий-то тебя, — тревожно говорили Энвер-Беку товарищи.

— Очень хорошо. Так и надо, — как всегда

улыбался в ответ Энвер-Бек своей задорной улыбкой, обнажая ровные белые зубы. — Догонит, и в комсомол примут. В комсомол будешь готовиться, Юра?

— Буду. Только не знаю, примут ли, — Ли неуверенно посмотрел на нового цехового комсорга.

— Конечно, примут. Ты только устав хорошенько выучи. Я тебе принесу его. После подробно потолкуем об этом еще.

Новый комсорг Энвер-Бек Губайдулин не любил длинных разговоров во время работы — они отвлекали и понижали выработку.

Нередко по окончании смены Энвер-Бек заходил в первый цех, где почти все рабочие были взрослые. Там он был желанным гостем.

— Пожалуйста, пожалуйста, — приглашал начальник цеха Николай Иванович Шестаков и подводил его к одной из машин.

На первом съезде молодых рабочих Губайдулин взял на себя обязательство освоить все операции на машинах пошивочного потока. Обещание свое выполнил. Самая сложная операция — затяжка носков им уже осваивалась. Для этого-то он и заходил часто в первый цех.

Приближался второй областной съезд молодежи. Оба, и Энвер-Бек и Ли-Си Уп, были переведены уже в девятый разряд — самый высший. Первый работал теперь на всех

машинах пошивочного потока и обучал трех учеников, второй изучал другие операции.

Незадолго до съезда начальник цеха созвал общее собрание.

— Ребята, — сказал он, — нашему цеху дан очень ответственный и очень сложный заказ — пошить несколько тысяч пар обуви для Красной Армии. Задание это трудное. Дать-то его нам дали, но некоторые из руководителей фабрики боятся, что мы его не выполним. Я решил узнать ваше мнение. Под силу ли это нам?

Несколько минут царило молчание, и вдруг заговорили все вместе. Всем хотелось высказать свое мнение. А было оно у всех одно — взять, обязательно взять заказ.

— Выполним, — решительно заявляли присутствующие.

— И не просто выполним, — выразил общую мысль Энвер, — а отлично.

И закипела работа. Ребята не переоценили свои силы. Задание было выполнено в срок. Внимательно осматривая обувь, контрольный мастер говорил: — «Крепкие сапоги, долго носиться будут».

Энвер-Бек радовался — будет о чем рапортовать съезду.

Бек — в переводе на русский язык — означает господин. Энвер стал настоящим гос-

подином своей машины. И поэтому среди многотысячного коллектива фабрики он опять вышел победителем в социалистическом соревновании.

В делегации обувщиков фабрики им. Кирова, выделенной на второй областной съезд молодых рабочих, был и Ли-Си Ун. Он считался теперь в цехе одним из лучших стахановцев и активным комсомольцем.

На съезд Губайдулин и Ли-Си Ун пошли вместе, но потом им пришлось расстаться. Энвер-Бек был избран в президиум. Когда он поднимался на сцену, его окликнул чей-то голос: «Здравствуй, Коля». Это секретарь обкома партии М. В. Кулагин поднялся из-за стола и протянул ему руку.

На съезд бригада принесла пару замечательных хромовых сапог, из числа сделанных «детским» цехом по специальному заказу Красной Армии. Сапоги были доверены Энвер-Беку.

— Отдай их по своему усмотрению, — сказали ему ребята, — только обязательно сибиряку.

— Кому мне их подарить? — тихо спросил тов. Кулагина юноша.

— Отдай их гвардии майору Овчукову. Он, кстати, до войны работал на вашей фабрике.

— Правильно! Только я все-таки посове-

-туюсь сначала с бригадой, — ответил Энвер.

Снова рассказывал Энвер делегатам съезда о молодых рабочих своего предприятия.

— Вот сапоги, сшитые на нашей фабрике. Дадим мы их парню из нашего города. Он бригадиром у нас до войны работал. Сапоги эти с рантами и со скрипом. И каблуки у них надежные. Я хочу, чтобы наш Борис Овчуков, гвардии майор, в этих сапогах прошел по улицам Берлина и этими каблуками докончил последнего фашиста на немецкой земле...

Так закончил Энвер-Бек под гром рукоплесканий свое выступление.

Прошло некоторое время, наступил памятный день в жизни Энвера. О, день этот стоит, чтобы о нем рассказать! Вместе с матерью пришел Энвер-Бек на торжественное заседание. Награждались лучшие работники легкой промышленности. В числе лучших был и он, Энвер-Бек Губайдулин.

Мать была очень взволнована. В глазах ее появились слезы.

— Чего ты, мама? Радоваться нужно, а ты плачешь...

— Он не понимает еще, что плакать можно от радости. И что слезы эти — самое лучшее, что может быть в жизни, — обернулась

Сафура Рахимовна к незнакомому граждани-ну.

Тот понимающе кивнул головой.

Один за другим подымались на сцену стахановцы предприятий.

— Губайдулин Энвер-Бек, затяжчик фабрики им. Кирова награждается медалью «За трудовое отличие», — произнес председатель Облисполкома.

Что-то слегка кольнуло в сердце. Но это было только одно мгновение. А в следующее — Энвер стоял уже на сцене.

В зале кто-то добродушно рассмеялся, когда небольшая фигурка стремительно промчалась на сцену. В президиуме тоже заулыбались, глядя в сиящие счастием, по-детски широко раскрытые глаза награжденного.

Нет таких хороших, ясных слов, которыми можно было бы ответить на награду. Руки крепко держат почетную грамоту Новосибирского Областного Совета депутатов трудящихся. Глаза устремлены на медаль, украшающую грудь. Где же они, слова эти? Ведь была приготовлена целая речь. Но сейчас невозможно вспомнить ни одного слова.

— Вот что я скажу... Нет, я ничего не скажу, я делом отвечу на награду правительства.

* * *

Время было позднее, когда Энвер-Бек закончил свой рассказ. Шипкет уже крепко спал. Ему, наверное, снилось что-то очень приятное. Он неслышно шевелил губами и улыбался во сне. Возможно, осуществилась его мечта — он управлял самолетом и пролетал над прекрасными землями Родины. Шамилю тоже очень хотелось спать, веки его без конца слипались, но мальчик бодрился.

Сафура Рахимовна натянула на сына сброшенное им во сне одеяло.

— Жарко ему, — шопотом произнесла она.

—Скоро выздоровеет. Правда, «профессор»?

Но «профессор» уже спал, уронив на грудь голову.

В комнате повеяло ночной прохладой.

— Завтра, — сказал Энвер на прощание, — я постараюсь дать больше трех норм.

— Желаю удачи, — отвечала я, пожав детски маленькую, но уже мужественную руку.

Возвращаясь домой, я думала о том, сумею ли хорошо передать то, что слышала об Энвере. В небе плыли яркие звезды. И думалось, что такой же яркой будет и жизнь Энвер-Бека.

---

1 руб. 50 коп.

0-20

1215